

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

путь через века

книга 1

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Потерянный рай

Серия «Путь через века», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67428875

Путь через века. Книга 1. Потерянный рай: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2022
ISBN 978-5-389-21086-8

Аннотация

XXI век. Человек просыпается в пещере под Бейрутом, бродит по городу, размышляет об утраченной любви, человеческой натуре и цикличности Истории, пишет воспоминания о своей жизни.

Эпоха неолита. Человек живет в деревне на берегу Озера, мечтает о самой прекрасной женщине своего не очень большого мира, бунтует против отца, скрывается в лесах, становится вождем и целителем, пытается спасти родное племя от неодолимой катастрофы Всемирного потопа.

Эпохи разные. Человек один и тот же. Он не стареет и не умирает; он успел повидать немало эпох и в каждой ищет свою невероятную возлюбленную – единственную на все эти бесконечные века.

К философско-романтическому эпиду о том, как человек проходит насквозь всю мировую историю, Эрик-Эмманюэль Шмитт подступался 30 лет. И вот наконец «Потерянный рай» –

первый том грандиозной саги, в которой бессмертному целителю Ноаму еще предстоит увидеть и Вавилонское царство, и Древнюю Грецию, и Ренессанс, и промышленную революцию. Бессмертие превращает человека в вечного изгнанника и наделяет острым взглядом: Ноам смотрит на вещи под очень особым углом, и его голос превращает хаос Истории в стройную историю хаоса, где неизбежны глупость и жестокость, но всегда найдется место мудрости и любви.

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	6
Часть первая	36
1	36
2	107
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Путь через века. Книга

1. Потерянный рай

Eric-Emmanuel Schmitt

LA TRAVERSÉE DES TEMPS

TOME 1: PARADIS PERDUS

Copyright © Editions Albin Michel – Paris, 2021

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

© Е. Н. Березина, перевод, 2022

© М. И. Брусовани, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

Пролог

Дрожь.

Сначала дрожь.

Дрожь настойчиво давит, тянется, ширится, вьется, ветвится, множится, и вот уже десять, двадцать, пятьдесят ее щупалец охватывают тело, пробуждают чувства.

Человек открывает глаза.

Темно... Тихо... Зябко... Хочется пить...

Он оглядывается по сторонам. Тьма его напугала бы, если бы он не знал, где находится. Съежившись на сыром известняке, он вдыхает бодрящий воздух, который наполняет грудь, будоражит нутро. Сладость бытия... Как это здорово – возродиться! Куда лучше, чем просто родиться...

Дрожь, сделав свое дело, стихает: человек осознал свою телесность.

Ну, хватит лежать в позе эмбриона; человек осторожно поворачивается на спину и тщательно осваивается со своим телом. Усилием воли поднимает руки над головой и сгибает пальцы, суставы хрустят, руки оглаживают грудь, живот, бегут дальше, находят гривку, ощупывают член: жив, голубчик. Человек разминает стопы, наклоняет их в стороны, вращает ими, поднимает ноги. Все отлично работает. И что, никаких последствий, остаточных болей? Похоже, нет даже шрама. Его двадцатипятилетнее тело целехонько.

– Ноам...

Имя вибрирует в густой тьме. Отлично, голосовые связки тоже в порядке.

Он хмурится. Отзвуки голоса скачут от стенки к стенке, будоражат воздух; одним лишь словом в ходе Истории люди, кланы, народы и нации угрожали, подавляли и вторгались, но как все это далеко от давнишнего милого ему бесхитростного счастья. Ноам. Как грустно звучит это имя. Ноам. Его не прошепчут ни мать, ни отец. Ноам. Одиночество. Полное одиночество. А потому возрождение хуже рождения...

Он сел и стукнулся теменем о низкий каменный свод. Очумело запустил пальцы в шевелюру, помассировал, пришел в себя. На ощупь стал пробираться в соседнюю каверну.

Где же проход? Ладони ощупывают стенку, встречают щели, складки и изломы, но отверстия нет. Как? Неужели тот взрыв обрушил породу и заткнул дыру? Он мечется в поисках лазейки, но все тщетно. Это ловушка? Сердце колотится, ладони потеют, и он судорожно хватается ртом воздух.

Успокойся. Начни с начала и действуй методично.

Он встает на колени, делает зарубку и медленно движется вперед, простукивая стену. Один камень подался, другой, третий – вот и брешь.

Он устремляется в нее.

Теперь вправо.

Вспоминает, что где-то тут, справа, оставил рюкзак. Только бы его взрывом не...

Пальцы натыкаются на влажную, почти живую ткань.

Торопливо вытаскивает оттуда зажигалку. Две-три неудачные попытки – и взметнулся язычок пламени. Ноам жмурится, моргает. Сколько же времени его глаза не видели света?

Освоившись, он принимается разглядывать стены пещеры. Скала – это кожа, сияющая, влажная, с расширенными порами, розовая, чувственная, женская, его влекут эти мягкие складки, вот обозначилась шея, плечо, подмышечная впадина, а вот и лоно, влагалище, клитор, таинственная женская тьма. Ноам вжимается в чрево земли, где тысячелетиями вода сходилась с камнем. Эти очертания созданы влагой, не высечены, а соком земли изваяны.

У него напрягается плоть... забавно... И когда он последний раз занимался любовью?

На дне рюкзака он нащупал свечку, зажег, потом достал белье, штаны, льняную рубашку и сандалии.

Смешно. Вспомнилось, как однажды поутру он выскочил из пещеры голым и перепугал крестьянок.

Он оделся и со свечой в руке двинулся дальше, сворачивая в знакомые проходы. В извилистых коридорах приходилось то протискиваться, то останавливаться, то карабкаться, то подтягиваться с уступа на уступ, то красться узкими галереями – и вот расселина.

Его удивил необычный проблеск. И какие-то шумы.

Что это? В его логово кто-то вторгся? Обычно здесь толь-

ко вода журчит. Задув свечку, он опасливо подступил к выщербленному пролому в стене.

До него донеслись голоса. Вдалеке еле слышно урчал мотор. Подобравшись к краю, Ноам наклонился и не поверил глазам.

Пещера бурлит жизнью. Ее каменные наросты освещены мощными прожекторами. Прижимаясь к скалам, вьется дорожка с железными перильцами, то врезаясь в толщу камня, то перекидываясь мостиком между уступами, то расширяясь обзорной площадкой. По дорожке тянется цепочка людей. То и дело появляется какой-нибудь тип, потрясая куцым флажком, ведет очередную группу и что-то им втолковывает. На арабском. На немецком. На английском. На французском.

Ноам затаил дыхание. Кто бы мог подумать, что они подберутся так близко! Осторожно! Никто не должен заметить его на этом выступе.

Присев на корточки в темноте, он видит непривычную игру света – светло-зеленый, с бронзовым отливом, оранжеватый – робких пастельных тонов. Над головой сталактиты, тонкие твердые волоски, пронизывающие скалистую кожу, наподобие редкой щетинки на слоновьей шкуре. В глубине очертания смягчаются, скругляются и поблескивают лаково, похожи на окаменевшие облака, отвердевшие тучи. Повсюду сталактиты и сталагмиты целятся друг в дружку, дают осечку, встречаются и разбегаются. Неумная Природа разгуля-

лась и по капле, из века в век, терпеливо и изобретательно источает буйный декор, то абстрактный, то фигуративный: вот сферы, оползни и гранулы, их скопления геометричны, но нет-нет да и вырвутся на свободу, и вот вам лев, буйвол, разъяренный воин или разгневанное божество. Здесь она водрузила канделябры с оплывающими свечами, там возвела диковинный храм или высекла колоссальные органные трубы, а фоном тянутся кальцитовые портьеры, драпировки и переплетенные шнуры.

Ноам напряженно ищет брешь. Привычная лазейка загромождена строительными работами, и он улизнет отсюда как-то иначе. Да здравствует изобретательность!

Улучив момент, когда вторженцы схлынули, он с рюкзаком за плечами проворно спускается на карниз, пальцы рук и ног ловко перебирают малейшие выступы отвесной стены.

– Что вы делаете?

Резкий окрик на немецком.

Это рыжий верзила в цветастой рубашке окликнул его с площадки. Продолжая спуск, Ноам ответил по-арабски:

– Взятие образцов для лаборатории.

– Что?

Детина не понял, и Ноам повторил по-немецки, но с сильным арабским акцентом:

– Взятие образцов для лаборатории.

– Какой такой лаборатории?

– Ливанское спелеологическое общество.

Ноам брякнул не задумываясь. Молчание. Осталось преодолеть несколько метров...

– Ух, и классный же вы альпинист! – восхитился немец.

– Спасибо, – отозвался Ноам, спрыгивая на бетонную дорожку.

– А где наш язык выучили?

– Год проучился в Гейдельберге.

Ноам прощально махнул и поспешно расстался с собеседником. И куда теперь? Его взбесило, что при первом же за долгие годы контакте с человеком ему пришлось напропащую врать. Добро пожаловать в мир людей! Ну ладно. Парень, который застукал его на спуске по стене, ни за что не заподозрит, что он вылез из потайной каверны.

С неторопливостью коровьего стада приближалась группа туристов. Ноам замедлил шаг, поприветствовал их неопределенной улыбкой и побрел, опустив голову и стараясь не поскользнуться на сырых камнях.

Опершись о перила, он стал вглядываться в глубокую дыру, карстовый колодец, в котором брезжила спокойная лазурь подземного озера, подсвеченная подводными прожекторами. По озеру ползло плоскодонное суденышко на электрической тяге с десятком пассажиров на борту. Вот откуда шел гул мотора. Итак, обе галереи посещаются: нижняя – на лодках, верхняя – пешком. Раньше лишь редкие одиночки в каске отваживались спускаться в нижнюю, а о существовании верхней никто и не подозревал.

Снова наплывает группа туристов. Щебечут на всех языках. Ноам украдкой разглядывает их одежду: эти ротозеи вырядились в шорты и рубашки поло, и все щеголяют татуировками. Кто они? Неужели сплошь моряки? Или пираты? А ведь и женщины туда же!

Ноам покачал головой. С этим он разберется потом.

«Выход».

С волнением он проходит через турникет и попадает в бетонированный туннель. Десять метров. Двадцать. Шестидесят. Неужели ошибся? Восемьдесят. Девяносто. Наконец забрезжил солнечный свет, Ноам ощутил тепло и вдохнул напоенный ароматами воздух.

Его вынесло на небольшую площадь, кишашую туристами. Солнце слепило, от духоты мутился разум. Чтобы отдышаться, Ноам прислонился к парапету.

Здесь полно торговцев, туземцы продают всякую всячину – кто освежающие напитки, кто мороженое, кто фисташки, кто соленый арахис, кто сувениры: тряпичных кукол, блокноты в нарядном переплете, платки, веера, чашки и ложки. Безучастные к призывам аборигенов, туристы пялятся в маленькие плоские коробочки, которые держат в руке; некоторые прижимают их к уху и громко говорят с невидимым собеседником. Чудеса... А вот кучка галдящих подростков, и никто ни на кого не обращает внимания. Ноаму это на руку...

Он вытащил из рюкзака флягу и отхлебнул из нее.

Положение дел таково: теперь зубчатая железная дорога и подвесная канатная соединяют нижний грот с верхним, его гротом, доселе никому не известным. Ноам с грустью понимал, что прощается со своим любимым логовом навсегда. Нужно будет подыскать новое убежище, на случай если ему придется...

Нет, не думать об этом!

Он вздыхает.

Бежать. Все время бежать. Вечно...

А зачем?

* * *

Ноги работают с перегрузкой и несут его по тропе, поглощая километры. Икроножные мышцы закипают, переполняются кровью, его состояние близко к оргазму. Ему нужна разрядка.

Оставив позади окрестности пещер Джейта, он примостился в безлюдном месте и подкрепился консервированным тунцом, своим любимым перекусом. Оставалось преодолеть восемнадцать километров, отделяющих его от Бейрута. В этой милой долине, усыпанной серыми камнями, поросшей оливами, дубами и лимонными деревьями, ему нужно держаться реки Нахр-аль-Кальб, реки с радужной волной, – она вытекает из пещер и снабжает столицу питьевой водой.

Солнце жарило во всю мочь. Цикады стрекотали так

яростно, что казалось, будто ландшафт рассыпается в прах.

Ноам с непривычки обвязал голову носовым платком, защитил глаза ладонью, козырьком приставленной ко лбу, и то и дело останавливался, чтобы сделать глоток воды. По всей округе были разбросаны часовни, монастыри и обители, в которых почитали всевозможных святых. На горизонте бескрайний опаловый отлив окаймлял землю: там было море.

Измученный жарой, Ноам брел, взметая пыль. Опаленный солнцем кустарник не мог предъявить ни цветов, ни плодов. Сухие стебли желтой травы рассыпались под ногами. А оливы, знаменитые оливы, которыми не одну тысячу лет славились эти места, утратили листву; их узловатые корявые корни готовы были вырваться из каменистой почвы и молили о капле воды.

Состояние реки опечалило Ноама: по дну пересохшего ложа робко сочился ручеек, оставляя по сторонам редкие лужицы, которые быстро испарялись.

Пик летней засухи?

Внезапно Ноам увидел пса.

Длиннолапый, поджарый, со свалывшейся шерстью, пес обнюхивал гадючий выползок в зарослях гариги, когда почувствовал на себе взгляд путника. Оглянулся. Глаза человека и собаки встретились.

Ноам медленно присел на корточки. Нескладный и веселый, пес медленно подошел враскачку, широко размахивая хвостом.

– Ну привет, дружище! – прошептал Ноам на забытом наречии, хорошо понятном псу.

В ладонь ему уткнулась теплая влажная морда. Ноам потрепал пса по спине, почесал ему грудь. Пес любовно вздохнул. Они обменялись долгим взглядом, будто после разлуки. Пейзаж исчез. Время остановилось.

– Ты один разгуливаешь?

Сморщив бархатный лоб, пес взглянул на Ноама и закатил глаза, отчего физиономия его сделалась печальной.

– Ты хочешь очаровать меня...

Обрадованный пес безудержно отдался ласкам, позабыв собачий стыд.

– Роки! – раздался хриплый окрик.

Пес с сожалением отпрянул от Ноама.

– Роки!

Пес послушно рванул на хозяйский голос к зарослям можжевельника и исчез.

Ноам так и сидел в оцепенении на корточках. Встреча с собакой оказалась для него важнее встречи с людьми.

Кто его приветил? Кто обрадовался встрече с ним? Искренняя доброжелательность сверкнула только в собачьих глазах.

Он пробурчал: «Ноам, ты кончишь мизантропом».

И побрел дальше. Мизантроп. Это слово его уже не пугает. Осуждает себе подобных лишь тот, кто ждет от них лучшего. Ненавидит людей лишь тот, кто их любит.

А вот и крыши, это уже пригороды Бейрута.

Какое имя себе придумать? Какую национальность? Как ему стать незаметным? Раз он не в курсе последних событий в Ливане, на извечных подмостках всех конфликтов и примирений, он должен собрать нужную информацию до того, как к нему подступят с вопросами. Он знает по опыту, что самая невинная фраза может подвергнуть его смертельной опасности.

После его прошлого посещения город заметно разросся. Железобетонные кубы. Простенькие пятиэтажки. Понятное дело, городские окраины не блещут архитектурными изысками. Между постройками ржавеют бульдозеры, уныло провисают провода, зияют помойные контейнеры и баки, приглашая воронье к пирушке.

Ноам растерянно остановился на перекрестке. Какой шум и гам! Вдобавок к пальбе отбойных молотков и ворчанию генераторов, питающих квартал электричеством, грузовики, автомобили, мотоциклы и мопеды стараются обставить друг дружку по децибелам, а распахнутые окна квартир выплескивают на полную катушку ошметки радио- и телепередач.

Он бесцельно брел к центру города. Прохожие толкались, такси сигналили, привлекая клиентов.

Ноам рассеянно смотрел на женщин и машинально преследовал их, замороженный стройными силуэтами. Когда женщины оборачивались, он опускал глаза и шагал в другую сторону.

Нет, это не должно повториться! Он злился, когда признавал, что с ним происходит.

В который раз, увидев женщину со спины, он надеялся, что это Она! И всякий раз, когда та оборачивалась, сокрушался, что не Она.

Гоня эти мысли, он пытался присмотреться к городской суете.

Горожане вертели в руках те же маленькие коробочки, какие он заметил возле пещер. Ноам довольно быстро сообразил, что это телефоны, но беспроводные. Невероятный прогресс за несколько десятилетий! Но почему люди вглядываются в телефон, даже когда не говорят по нему? Пристроившись за спиной бейрутки, поглощенной своим занятием, он обнаружил, что на устройстве мелькают цветные картинки. Более того, без карандаша и клавиатуры девушка составляла на экране сообщения, набранные идеальным шрифтом.

Он задумчиво продолжил путь.

Перед зданием школы лицеисты, усевшись по-турецки на асфальте, блокировали уличное движение. На их плакатах красовался слоган: «Нет будущего – нет уроков!» Ноам обошел лысого журналиста с камерой на плече – тот спрашивал у школьников:

– Чего вы добиваетесь вашим движением?

– Это не движение, это забастовка, – отвечал подросток на безупречном английском языке серьезным, уверенным и мужественным голосом, так плохо вязавшимся с его хрупким

телосложением. — Мы бойкотуем уроки, чтобы привлечь внимание взрослых, мобилизовать население, призвать политиков к ответственности. Зачем нам учиться, если будущего нет?

С невинной детской небрежностью он посчитал разговор оконченным и присоединился к товарищам; журналист бросился за ним:

— А вы не преувеличиваете? Не делаете из мухи слона?

— Преувеличивают те, кто закрывает глаза и затыкает уши, вкалывает как подорванный, руководит, голосует и потребляет, будто все нормально.

— Вы подражаете молодежи Европы и Америки!

— Именно так. Молодежь всей Земли противостоит старикам всей Земли.

— Конфликт поколений? Молодежь против стариков?

— Осознанность против безответственности.

— Вы объявляете войну?

— Слишком поздно: обе стороны уже проиграли.

Раздалась молитва муэдзина.

Ноам двинулся дальше. Он уловил напряжение, но не понимал ни сторон, ни их целей. Ему надо поскорее разобраться, что тут затевается.

Мне нужны деньги.

Лавируя между пешеходами по запруженным улочкам, он миновал диспансер Сент-Ирене и подошел к кофейне с чающими ароматами; напротив — покосившаяся лавчонка,

придавленная тяжестью потеснившего ее здания.

Уф, на месте!

Над лавочкой с опущенными шторами не было никакой вывески, крошечная дверца вела в полуподвал.

Три ступеньки вниз; Ноам толкнул створку двери, та поначалу заупрячилась, потом вдруг уступила, запуская многоголосый перезвон колокольчиков. Ноам пригнулся, чтобы не стукнуться о притолоку, и оказался на складе, освещенном зеленоватыми неоновыми лампами. Склад был уставлен запертыми витринами, под их стеклом лежал разношерстный товар: были тут и ювелирные изделия, и столовое серебро, и стеклянная посуда, и фарфоровая, и целая коллекция давешних беспроводных телефонов.

– Что господину угодно?

Из недр помещения выкатился жирный щекастый продавец с редкими черными напояженными волосами, зачесанными на низкий лоб, его глазки-буравчики сверлили посетителя, а на лиловых губах гуляла непостижимая улыбка.

Ноам энергично сбросил рюкзак на стойку, жестом, который на всех широтах читается одинаково: «Эй, не вздумай мне парить мозги, или тебе не поздоровится».

Брови продавца взметнулись.

Не разжимая губ, Ноам вынул из кармана кольцо, покатав в сжатом кулаке, раскрыл ладонь:

– Вот.

Торговец подцепил кольцо своими пальцами-сосисками

– выражение лица было призвано означать благовоспитанность – и елеино промурлыкал:

– Колечко досталось вам от вашей матушки, ведь так?

Скептическая гримаска сделала его лицо и вовсе кукольным.

– Нынче такие не в моде. Никто не берет! Эта оправка, отделка, стиль... – Он ухмыльнулся. – Такое мне не загнать никогда! А вот камушек...

– Рубин.

– Да...

– Крупный рубин.

– Не слишком...

– Крупный рубин.

– Конечно, маленьким его не назовешь...

– Не надейтесь меня отыметь. Я консультировался с вашими коллегами.

Мордастый вперился в Ноама и пробурчал:

– Знаете, как называют мое заведение? Пещера Сорока. И знаете почему? Али-Баба и сорок разбойников.

И нацелил в Ноама толстенный указательный пальчик:

– Вас сорок, я один. Вы все заменимы, я – нет.

– Считаете меня разбойником?

– А вы меня – скупщиком краденого?

Они вприщур оглядели друг друга. Развитие сюжета было известно Ноаму наизусть. Он продолжил:

– Я показал кольцо...

– Вашей матушки...

– Моей матушки... другим ценителям. В Дамаске. В Никосии. В Валетте. В Стамбуле.

Продавец обеспокоенно хрюкнул:

– Вы не спешите?

– Не спешу заключить плохую сделку. Сколько вы предлагаете?

Толстяк машинально посучил пальцами, перебирая невидимые банкноты.

– В американских долларах?

– Разумеется! – подтвердил Ноам, не имея на этот счет никаких соображений.

Продавец закатил глаза, его зрачки пометались туда-сюда, подобно костяшкам счетов, и объявил:

– Двадцать тысяч долларов.

– Вы ювелир или торговец побрякушками?

– Мое слово: двадцать тысяч.

– Сорок тысяч!

– Двадцать пять тысяч.

Ноам молча забрал кольцо, обтер его и двинулся к выходу. Он переступил порог, колокольчики звякнули, торговец взвизгнул:

– Тридцать пять тысяч!

Ноам на прощание обернулся. Хозяин бросился к дверям и вставил ногу в дверной проем:

– Согласен, сорок тысяч!

Они ударили по рукам, и Ноам проглотил внезапный выхлоп пачулей. Пыхтя, лебезя и суетясь, хозяин пригласил гостя выпить чашечку кофе или чая. Ноам, видя оживление перекупщика и не зная истинной цены кольца, усомнился, что сделка для него удачна.

– Не назовете ли мне кого-то, кто делает паспорта?

Торговец и усом не повел, спокойно протянув ему клочок бумаги с адресом. Бейрут по-прежнему оставался перепутьем жуликов и мошенников всех мастей.

Ноам вышел наружу. Грохот улицы оглушил его, пестрота вывесок сводила с ума. Он понял, что ему надо передохнуть.

Внезапно из припарковавшегося лимузина показались точеные ножки в золотистых сандалиях.

Он вздрогнул. Он ждал появления обладательницы ножек – конечно же это Она!

Ноам в изнеможении прислонился к стене.

Ножки коснулись земли, показались прелестные бедра, гибкий стан, мелькнуло лицо... из лимузина взметнулся сногшибательный чувственный рыжий факел в сопровождении поклонника с напыженными волосами.

Не Она.

Ноам не скоро пришел в себя. Его коробило то, что он обознался, а захлестнуло его не только желание, но и страх. И что он чувствует сейчас, облегчение или разочарование?

Она, вечно Она...

Он покинул мир лишь затем, чтобы бежать от Нее... А

может, теперь вернулся в него, чтобы обрести Ее вновь?

* * *

Он подыскал жилье. В этой приземистой рыбацкой хижине, угнездившейся возле прибрежных скал, вдова Губрил приняла его, не спрашивая ни паспорта, ни удостоверения личности. Ей не терпелось перекрыть крышу своей халупы, и легальность жильцов ее беспокоила не слишком.

– Вот код подключения к интернету, – промурлыкала она.

Ноам озадаченно взял картонку с каким-то шифром, не отважившись задать вопрос. Он прошел по коридору, расцвеченному восковой живописью, и бросил рюкзак в чистой беленой комнатке, где стояли кровать, прикроватная тумба, письменный столик, табурет и телевизор. За стеклянной дверью – узкий балкончик, на который втиснут шезлонг. С видом на море. Меблировка скромнее некуда, зато вид царский.

Ноам нащупал в кармане записку с адресом и отправился по нему, чтобы поскорее разжиться фальшивыми документами. Весь этот день, пока он мотался в поисках жилья, отельные служащие и управляющие апартаментами, слышав про потерянные бумаги, кривили рот, а глаза их выносили неумолимый приговор: «вы проходимец» или же «вы не существуете». И долларовая бумажка, которую Ноам по многовековой традиции пытался им всучить, ничего не ре-

шала, напротив. Тенденция общества контролировать документы при всяком перемещении усугубилась с прошлого раза; система становится важнее индивидуума.

По указанному адресу Ноам подошел к домику с багровой дверцей. Позвонил, ответа не последовало. Снова позвонил. Постучал. Позвал.

Из окна высунулась раздраженная матрона с тугим пучком волос на голове:

– Закрыто. Муж в Библосе, вернется завтра.

Ноам поблагодарил и ушел. Тем хуже. И тем лучше. У него есть отсрочка, чтобы определиться с национальностью, которая позволит ему наилучшим образом пересечь это время. Он владеет двумя десятками языков и может позволить себе выбрать личину по вкусу. Заглянув в книжный магазин, он купил штук сорок разных газет. На базаре разжился мылом, зубной пастой, галетами, гроздьем фиников и бутылкой арака.

Вернувшись в пансион вдовы в квартале Мар-Михаэль, он поднес к губам стакан анисовки, дабы отпраздновать возвращение в этот мир, потом улегся на кровати, вооружившись кипой газет и пробегая заголовки. Молодежные волнения. Всюду! По всей планете школьники и лицеисты бойкотируют занятия, студенты покидают университетские кампусы; шатаясь по улицам, они требуют принятия срочных мер против глобального потепления.

«Глобальное потепление»? Ноам не понимает, о чем идет

речь.

Пролистав еще несколько статей, он уловил суть: температура на земном шаре повышается. Зона пустынь расширяется. Регионы с умеренным климатом дробятся, все чаще подвергаются ураганам и атакам летней жары. Ежедневно исчезают очередные виды растений и животных, небывалые прежде метеорологические колебания становятся обычным делом. Непредсказуемость подымает голову и правит миром. Все живое гибнет то от засухи, то от наводнений. Ноама встревожили фотографии: альпийские ледники, по которым он когда-то ходил, растаяли; белые медведи, на которых охотился, эти грозные гиганты, тощат и переселяются на окраины городов.

Ночь принесла Ноаму череду новых зловещих откровений. На Земле теперь живут восемь миллиардов человек! Восемь миллиардов потребляют электричество, качают бензин и газ, путешествуют в автомобилях, поездах и самолетах. Восемь миллиардов бросают пластиковые пакеты, которые поганят пейзаж и захламляют океаны. Восемь миллиардов увеличивают городское пространство, сокращая ареалы растений. Восемь миллиардов требуют пищи, а Земля истощена и обескровлена. Восемь миллиардов требуют мяса, а пастбищ для выпаса животных не хватает. Восемь миллиардов делают ставку на промышленность, которая загрязняет небо, засоряет легкие, отравляет реки и озера, уничтожает флору и фауну. Восемь миллиардов загаживают космиче-

ское пространство. Восемь миллиардов думают лишь о выгоде и удовольствиях. Восемь миллиардов не желают ничего менять, хотя все вокруг меняется. Культ наживы и потребления, бешеная борьба за новые рынки, фритредерство привели к тяжким последствиям.

Ноам потер виски. Пока он прохлаждался в небытии, беспечное человечество очутилось на грани гибели.

Весь в поту, Ноам перечитал статьи в газетах «Ориан-ле-Жур», «Таймс», «Шпигель» и «Монд» о движении школьников и студентов. После одиночных тревожных сигналов, поданных учеными, на которые солидное общество не отреагировало, молодежь разоблачает ядовитый дар, врученный прежними поколениями: этот образ жизни подавляет жизнь, природа утратила свою природу, будущее не имеет будущего. Прежней молодежи было свойственно гневаться; нынешняя печалится и бросает учебу. Похоже, состояние планеты вопиет о банкротстве политики. При любом режиме властями движет погоня за выгодой. Сорвать куш любой ценой!

В отчаянии Ноам скидывает газеты на пол. Он знает за собой этот ребяческий жест – будто можно защититься от дурных новостей, оттолкнув источник информации, – но действительность угнетает его.

Зачем?

Зачем он «проснулся»? Чтобы столкнуться со всем этим? К чему было возвращаться в такой мир? Да, он познал много жестокостей во время своего существования, но этот ужас

изошренно ужасен...

Он включил телевизор. Увидев номер канала «31», он растерялся. Тридцать один канал? Немыслимо. Может, это название национального ливанского телеканала, скажем, связанное со знаменательной датой... Орудую пультом управления, он изумленно пролистал восемьдесят каналов; в прошлый его визит в этот мир их было два-три, не больше.

Репортажи вопят о наводнениях, тайфунах, климатических беженцах, миграции животных, дрейфе пакового льда и подмыве побережий океанами из-за повышения уровня воды.

Он выключил телевизор и вздохнул.

Сегодня он не заснет. Так и пролежит на неразобранной постели. Всю ночь будет вертеться, ожидая унылого рассвета: утро не уврачует его ран, не утишит тревогу, не пошлет ему озарения, лишь возвестит, что пора выйти из лежачего положения. Ночь обещает быть кошмарной.

И тут Ноам подскочил как ошпаренный: его поразила внезапная идея.

Он не уверен. Боится ошибиться.

А может...

Идея неотвязная, от нее не отмахнешься.

Да. Именно так. Я должен это сделать...

Теперь Ноаму все было не в радость. Ни сон, ни бодрствование. Ни одиночество, ни люди. Ни сосредоточенность, ни задумчивость.

Всю неделю он прожил под властью так поразившей его идеи. Несмотря на ее очевидность, он ей сопротивлялся; несмотря на ее мощь, он ее отвергал; несмотря на ее привлекательность, он от нее отворачивался. Вся его жизнь строилась вопреки этой идее. Если он уступит, это будет капитуляция.

Каждое утро он усаживался в бистро многолюдного и модного квартала Мар-Михаэль и заказывал лакомства: пирожки с кедровыми орешками, фисташками, корицей, миндалем, грецким орехом, кокосом, все с сахарной глазурью, и, вдыхая ароматы меда, розы и апельсина, он изучал международную прессу.

Изготовитель фальшивых документов так и не вернулся из Библоса. Его супруга всякий раз кипятилась, повторяя это Ноаму, и по ее свирепому лицу было видно, что она подозревает мужа в неверности. Ноаму приходилось ждать. Тем временем он размышлял о своем будущем прикрытии. На вопрос «Кто ты?» он с незапамятных времен отвечал ложью.

Кафешки – это душа города. Он задохнулся бы без их пространства для фантазии. Здесь, сидя под вентилятором, сре-

ди курильщиков наргиле и старых картежников, Ноам прислушивался к обрывкам разговоров. Постепенно он приметил нескольких персонажей: бездельника, который только и делал, что коротал время, вселенского спорщика, который по любому поводу разражался бранью, псевдоинтеллектуала, страстью которого был пересказ модных теорий, и истинного интеллектуала с живым и беспокойным умом. Шквал ежедневных новостей: истощение ресурсов, техногенные катастрофы, глобальное потепление.

– Вы можете нас не слушать, – соглашался интеллектуал за стойкой, – но вы не можете отрицать научные данные. Они говорят о том, что природа взорвется.

Ноам, вновь открывший удовольствие безделья и гурманства, упрекнул себя в гедонизме.

Мир вот-вот прекратит свое существование. Я один из его последних созерцателей.

Его мысль утыкается в пропасть.

Мир вот-вот прекратит свое существование.

Каждая секунда становится неуютной. Его будто током бьет: скоро, совсем скоро.

Больше никогда...

Настоящее подернулось дымкой ностальгии.

И тут вернулась мысль, поразившая его в ту ночь. В ней нет решения, она ему предлагает действовать. Но если пойти этим путем, ему предстоит битва с пустотой.

Бейрут все еще бурлит жизнью. Пусть барометр и сулит

жару, пусть знойное лето гонит состоятельных ливанцев из города прочь, Бейрут по-прежнему многолюден, он шумит и переливается всеми красками, а террасы баров и ресторанов переполнены. Молодежь демонстрирует свое разочарование днем и веселится по ночам. Их пессимизм не мешает им наслаждаться жизнью – напротив, подталкивает их к этому: они тусуются, бухают, ржут, заводятся, выпендриваются, мечутся с одной вечеринки на другую, носятся в машинах с откидным верхом, оглашая улицу своей любимой музыкой. Как и их родители когда-то... Как их давние предки давным-давно... Но умение вкушать радость бытия – особенность этого города. Он всегда лелеял эфемерное. Из века в век, из поколения в поколение бейрутцы живут как на вулкане. Этот город искушал судьбу и прежде, а сегодня так ведет себя вся Земля.

Смешавшись с толпой, Ноам с нежностью думал о сегодняшнем дне, битком набитом угасшими цивилизациями, об этом «здесь», полном нездешнего. В этом ежедневном многоголосье он ощущал тысячи прошлых жизней: крестьян, которые веками возделывали эту землю, текущую молоком и медом, финикийских торговцев, поставщиков сырья и торговцев ремесленными шедеврами, греков эпохи Александра Македонского, египтян династии Птолемеев, римлян, арабов-мусульман, христиан времен Крестовых походов, друзей, турок Оттоманской империи, итальянцев Венецианской и Генуэзской республик, французов, англичан, па-

лестинцев, сирийцев... На этой узкой полоске земли, между морской пеной и снегом гор, на этом прилавке, куда прибывает съестное из Азии, Европы, Африки и с Ближнего Востока, на этом перекрестке сотен дорог сходятся континенты. Шатаясь по улицам, Ноам наслаждался сознанием того, что здесь нет единого языка, единой политики и единой религии. Нет ничего застывшего. Город остается живым, подвижным. Возле тележки торговца фруктами, которую тянет надменный старик, Ноаму приходит в голову, что и его товар принадлежит разным конфессиям: католический виноград, православная олива, маронитские яблоки, суннитский апельсин, шиитский табак, друзские фиги.

Он восхищался этой землей, которой было суждено веками ходить по краю бездны.

Этим вечером его волновали женщины. Все подряд. Толстушка с шелковистыми плечами и роскошной грудью, худышка с тонкими чертами лица, меланхоличная крошка, стремительная великанша, девочка-подросток с прозрачной кожей, зрелая красотка с ярким макияжем, брюнетка, блондинка, рыжеволосая, седая, сиволапая, опереточная, энергичная, апатичная, бормочущая, хохочущая, кричащая, молчащая... Каждая из них казалась ему пленительной тайной, в каждой была манящая загадка. Бейрут кружил ему голову каруселью блистательных чаровниц. Иногда Ноам перехватывал их взгляд. Он им нравится. Он это знает. Его точеное тело, чистые черты лица, чувственный рот, черные глаза и

длинные ресницы притягивают женщин. Но он не делал никаких попыток сблизиться с ними, хотя порой и ловил их приглашающий взор.

Из-за нее?

Ну нет. На свете есть не только Она! И всегда была не только Она! Он должен Ее забыть.

Если он отказывается от отношений, то лишь потому, что не хочет размениваться. Здесь, в Бейруте, его тянуло к множеству женщин, не к одной. Как подросток, он вожделел вообще, а не к кому-то конкретно.

«Как долго я буду хранить верность?» – спрашивал он себя каждый вечер, борясь с искушением.

В полночь его кровь все еще бешено неслась по жилам и стучала в виски; он вернулся в пансион, но и там снова бросился просматривать газеты в глупой надежде увидеть в них Ее фотографию.

А потом стал готовиться, приручать свою идею. А может, это идея его приручала. Во вторник он купил тетрадь, в среду – три шариковые ручки, в четверг – словарь. После душа он садился к письменному столу на табурет в позе человека, подчиненного идее: возможно, этот минутный ритуал приведет к ее исполнению.

В пятницу он устроился на скале, подверженной атакам соленого ветра и прибоя. Внизу плескался аквамарин, и в согласии с ним колыхались длинные морские травы. Он по-

грузился в задумчивость. Как Природа может исчезнуть? Она по-прежнему сильнее людей, этих микроскопических ничтожных муравьев, которые, даже взбесившись и сорвавшись с цепи, не в силах изменить космос.

Он поднял голову, уловив перемену в освещении.

На севере небо потемнело; серые облака на глазах чернели, заволакивали горизонт и надвигались, обращая день в ночь. За спиной взвыл сигнал тревоги. Вдали нарастал гул самолетов.

Что происходит?

Он вскочил на ноги.

Из окрестных домов высыпали бейрутцы, сгрудились толпой на берегу. Ноам спустился к ним и прислушался к разговорам.

– Видите дым?

– Ух ты, как быстро наползает.

– Жуть!

– Пожарники говорили, что очаг возгорания неделю назад удалось блокировать, но вот же, опять полезло.

– Пожарники! Сколько их там, этих пожарников?

– Засуха, вот все и горит!

– И ветер раздувает!

– Да еще разносит искры. И дороги асфальтовые не тормознут огонь, и каменные дома. Захватывает территорию.

– Шесть пожарных самолетов всего, мало!

– Власти три квартала эвакуировали.

– Вот черт, к нам лезет.

– Здесь, на городской застройке, остановится.

– А ведь уже дышать нечем!

Все начали кашлять. Ноам прижал к носу платок, чтобы не вдыхать летящий пепел.

А люди вокруг реагировали каждый по-своему. Кто прикасался к голубому камушку, берегущему от напасти, кто сжимал на счастье козью ножку, кто перебирал четки, кто крутил в руках заветный медальон, кто трогал хамсу, руку Фатимы.

Подкатила полицейская машина, полицейский выкрикнул в рупор распоряжения:

– Разойдитесь по домам. Закройте окна и двери. Наденьте тканевую маску. Следите, чтобы дети и старики двигались как можно меньше. Повторяю: разойдитесь по домам, закройте окна и двери...

Толпа нервно расходилась.

Ноам, кашляя и чихая, отправился к дому. В коридоре он прошел мимо кухни, где вдова Губрил лила расплавленный свинец в кастрюлю с кипящей водой. Варевое потрескивало, журчало и дымилось, она произносила заклинание, отводящее беду и привлекающее удачу. Ноам проскользнул на цыпочках к себе. Чтобы защититься от отчаяния, Бейрут призывал потусторонние силы.

Небо и море за балконным стеклом погасли; был полдень, но всю округу охватили сумерки.

И тогда его идея овладела им бесповоротно.

Ноам сел к письменному столу и приступил к делу.

Часть первая

Озеро

1

Я родился несколько тысяч лет назад, в стране рек и ручьев, на берегу озера, ставшего морем.

Руководствуясь скромностью и благоразумием, мне хотелось бы никогда не писать этой фразы: она предает огласке судьбу, которую я держу в тайне. Со многими предосторожностями я поведал мою историю людям; я избегал их и лгал им; я бежал от них, странствовал, скитался, осваивал новые языки; я скрывался, замыкался, менял имена, гримировался, переодевался и наносил себе увечья; я старался остаться в тени, подолгу жил в пустыне, иногда я плакал. Все средства были хороши. Люди должны были забыть меня, потерять мой след. Чего я боялся? Моя долговечность неизбежно заинтересовала бы их, ведь люди всегда ищут бессмертия, на небе, под землей, на земле, в религии, в науке или в потомках; но мое – непостижимое – озлобило бы их. Подобные мне осознали бы, что они мне не подобны. Сначала удивились бы, потом разозлились бы на то, что я – это я, потом на себя, что они – это они. Мое чистосердечие – я в этом не

сомневался – возбудило бы в них досаду, ревность, горечь и необузданные порывы – в общем, всякого рода неприятности. Я боялся последствий. Боялся за них, не за себя.

Я родился несколько тысяч лет назад, в стране рек и ручьев, на берегу озера, ставшего морем.

Руководствуясь скромностью и благоразумием, мне хотелось бы никогда не писать ни этой фразы, ни следующей, потому что я увидел свет во времена, не знавшие письменности. Люди слушали. Запоминали. Развивали память. Когда появилась письменность, мне было уже четыре века. Позже я расскажу, какие это имело последствия. А сегодня я владею двадцатью языками, одни из них живы, другие мертвы, и попытку уловить жизнь на листке бумаги я нахожу чрезвычайно отважным поступком.

Я родился несколько тысяч лет назад, в стране рек и ручьев, на берегу озера, ставшего морем.

Руководствуясь скромностью и благоразумием, мне хотелось бы никогда не писать этой фразы, обращенной к людям, этим животным, которых не оставляет страх небытия. Немецкая пословица гласит: «Едва ребенок родился, он уже готов для смерти». Я уточню: не успеет сознание пробудиться, как оно с ужасом постигает свою гибель. С самого начала оно не смиряется со своим неотъемлемым свойством – смертностью. Вывод? Обиженный на природу, безутешный по своей сути, человек обречен на несчастья.

А я, так долго живущий на свете, – был ли я счастлив?

Позвольте мне рассказать свою историю; в ней и будет ответ на вопрос.

Я родился несколько тысяч лет назад, в стране рек и ручьев, на берегу озера, ставшего морем.

Руководствуясь скромностью и благоразумием, мне хотелось бы никогда не писать этой фразы.

И все же сегодня вечером я ее вывел.

Почему я решил нарушить молчание?

Из страха.

Впервые за десятки веков мне страшно...

* * *

Мне рассказали, что шел дождь. Нежный, ласковый, теплый. И после него засветилась радуга.

В нашей хижине на берегу озера у Мама отошли воды. Я, как рыбка, мигом из нее выплеснулся, и меня тотчас поймала моя бабушка. Хоть я и первым торил дорогу, роды прошли быстро.

– Я для этого создана, – любила повторять гордая Мама, обводя рукой десяток моих сестриц.

Похоже, она, с ее отменными круглыми бедрами, и впрямь пришла в этот мир для деторождения, ну а я оказался хорошо оснащенный младенцем. Крепкий, гибкий и легконогий, я был одержим жадой жизни, которая не ослабла с годами.

В какой день я родился? В дождливый. Какого месяца? Месяца обмазки, который следует за месяцем сева. А год был какой? Сто тридцать четвертый после Илодейской битвы. Во времена моего детства об Илодейской битве уже не вспоминали, но вели от нее отсчет.

Итак, я явился на свет в сто тридцать четвертом году много тысяч лет назад. Миновало слишком много царствований, слишком много укладов сменили друг друга, слишком много сгинуло цивилизаций, чтобы тянуть мою генеалогическую нить, привязывая ее к общепринятому календарю. Я родился во времена, когда люди не столь тщательно измеряли время, как сегодня, не было ни дня рождения с привычной суетой вокруг него, ни дня крещения, ни карточек гражданского состояния – только общие воспоминания. Эти пробелы не мешали нам приходить в мир и в нем жить. Однажды поутру человек рождался, и на скорую руку затевался праздник. А однажды вечером человек умирал, и праздник был другим.

Ничто не отличало меня от обычных людей, у меня были обычные мать и отец; поначалу я был обычным ребенком, потом обычным взрослым парнем, который мог испугаться, пораниться, и рана кровоточила. И до тех пор, пока не произошло того случая на острове... Но не будем торопиться.

Когда начинается жизнь человека? При рождении, на выходе из материнской утробы?

Нет, ведь в ней он провел долгие месяцы.

Или при зачатии, когда семя отца соединилось с материн-

ской яйцеклеткой? Нет, ведь и сперма, и яйцеклетка жили в телах родителей задолго до своей встречи.

Ну так при рождении отца и матери?

Снова нет, поскольку у отца и матери были их родители, а у тех – их родители, а у тех... Наследственность тянется вспять до бесконечности. Можно ли определить мгновение, когда гены отправились в путь? Или надо добраться до первого мужчины и первой женщины? Но мы их не найдем. В нас миллионы частиц, которые существовали прежде. Нет начала жизни, и до всякого бытия было предшествование ему.

Но я-то знаю наверняка, когда моя жизнь началась. Это произошло, когда я встретил Нуру. Лучезарную Нуру. Прекрасную Нуру. Ужасную Нуру. Я был рожден сначала матерью, а потом – женщиной, которая... Нет, я слишком спешу. Простите великодушно мою неловкость, в писательском деле я новичок. И потом... мне так трудно удержаться и не рассказать о ней.

В те времена детство было коротким. Мы не обучались ни чтению, ни письму, и не было долгой череды школьных лет. Обучались мы другому: чтить Богов и Духов, охотиться на зверей, которые годятся в пищу, отличать ядовитых тварей, беречься от хищников, приручать животных, пасти коз, доить муфлонов, собирать ягоды, сажать растения, ухаживать за ними, поливать, заготавливать, защищать свое хозяйство от диких птиц и лесных зверей. Нас учили заботиться о теле,

о волосах, наносить татуировку. А еще – готовить еду, ткать, шить, мастерить орудия труда и воевать.

Детство кончалось рано. С первым пушком на лице мальчик становился мужчиной; с первыми месячными девушка становилась женщиной. Эти превращения сопровождалось торжественными церемониями – то были строгие ритуалы, подчас и жестокие, но мы, мальчишки, не боялись их, а ждали с нетерпением. С наступлением половой зрелости составлялись пары, определявшиеся родителями обеих семей.

Когда мне исполнилось тринадцать, меня сочетали с Миной. В тринадцать мой член проник в вагину. В тринадцать мое семя излилось в женское лоно.

Но это меня не слишком впечатлило.

Конечно, я не отлынивал, но куда больше мне нравилось играть с собаками, прыгать с козами, сгонять в стадо муфлонов, глазеть на быстрые струи ручья, а еще драться с мальчишками. Совокупляться мне противно не было, но занятие это меня не увлекало. Мое безразличие ничуть не беспокоило ни меня, ни моих близких. Мы обладали женщиной не для того, чтобы изведать наслаждение, а лишь по той причине, что по достижении половой зрелости каждому самцу положено было иметь самку. Такие тонкости, как наслаждения или разочарования, нас не занимали.

Сейчас я объясняю свой холод к Мине некоторыми подробностями интимного свойства: мне не нравился запах спермы – пролежавшая неделю мертвая рыба, – да и вид ее

меня смущал; и с чего бы это белое становилось прозрачным, а потом – желтым, и почему эта клейкая каша так быстро высыхала? А Мину, интимный запах которой отвращал меня гораздо меньше, я ни в чем не упрекал.

По простодушию, покорности, привычке и лени я не сознавал, что испытываю принуждение. Обычаи племени склоняли к соитию с женщиной без всякого внутреннего позыва. И если пушок над верхней губой у меня появился, то влечения к женщине не было и в помине. Правда, спрятавшись за кустами с моими товарищами, мы шпионили за нашими ровесницами, плескавшимися в ручье, разглядывая их грудки и попки, но ведь шпионить и страстно желать – это разные вещи. Произносить похотливые слова со сверстниками недостаточно для того, чтобы превратить их в яркие образы, фантазии и наваждение. Вожделение было мне незнакомо. Если бы вокруг меня не было других женщин, я жадно набросился бы на Мину; если бы мой пыл явил мне ее в моих объятиях, наша возня меня увлекла бы. И потому уклад нашей общины утолял жажду, еще мною не испытанную. Получив в тринадцать лет жену, я с ней спал; это было не наслаждением, а нормой.

И все же я ощутил телесный восторг, испытал оргазм незадолго до этого... Но я расскажу об этом в свое время. Не буду сейчас уклоняться в сторону, не то безнадежно заплутаю. Итак, Ноам жил в своей деревне и спал со своей женой. Я не сознавал себя кем-то значимым.

Я не признавал себя кем-то.

Я не признавал себя.

Шли дни, бежали годы. Мы жили общественной жизнью. Не было моей истории, была история наша, я жил среди своих, жил как они. Думаю, я не ждал ничего особенного от своего существования – пожалуй, лишь того, чтобы оно длилось.

Мина произвела на свет сына, потом дочь, потом близнецов. То есть у меня появились сын, потом дочь, потом близнецы.

Никто из них не прожил и года. Моя мать, столь гордая своими одиннадцатью детьми, рожала восемнадцать раз. Продолжение рода было тяжким, неблагодарным трудом, чреватым неудачами. Мои соплеменники принимали на руки орущий комочек плоти, заботились о нем, кормили и поили, но при этом следили, чтобы привязанность к этой жизни, которая того и гляди прервется, не становилась слишком прочной. А если уж непременно хотели полюбить ребенка, то ждали лет до семи, когда дитя одолеет младенческие болезни. Сегодня семилетний возраст называют «сознательным возрастом»; а в давние времена то был возраст, когда люди сознательно отваживались полюбить ребенка.

Разве мы обязаны холить и лелеять своих детей? Их немало рассеялось вокруг меня; чтобы завоевать уважение сообщества, довольно было, чтобы их растили, кормили и заботились о них до отрочества. А зачем любить? Разве это облегчит родительский труд?

Мина обожала своих детей и оттого была несчастна. Каждая детская смерть исторгала у нее бурные слезы, потом она впадала в прострацию и подолгу не подпускала меня к себе. Я же в отношении младенцев ограничивался лишь тем, что машинально совершал необходимые действия.

Перечитав эти строки, я вижу, что описываю свою тогдашнюю жизнь с полным равнодушием.

Вот абсолютно верное слово: «равнодушие». Я был равнодушным. Я понятия не имел, что Ноам может отличаться от других, иметь собственные мысли, особые пристрастия, устремления и несогласия. Я не был другим, я был одним из многих.

Мне нужна была встреча с Нурой, чтобы все изменилось... Нет! Я опять поспешил. Возвращаюсь к своему рассказу.

Наша деревенская жизнь была тяжелой и беспокойной. Мы не голодали, но жили в вечной тревоге. Благодаря милосердным Богам и Духам наши реки и Озеро наполнились рыбой, поля были плодородны, а скот упитан, и голода мы не боялись; докучали нам Охотники, которые устраивали набеги на деревню то поодиночке, то сплоченными отрядами. Не было покоя, и не было на него надежды; мы жили в вечной тревоге. Мы были всегда настороже, мы защищались, дрались, иначе деревню разграбили бы и всех нас перебили.

Многие умирали, не дожив до зрелости. Гибли от удара медвежьей лапы, кабаньего клыка или волчьих зубов; от уве-

чий, ран, лихорадки, несварения желудка; гибли из-за перелома костей, из-за отека ног, из-за нагноившейся раны, из-за коросты на коже или вздутия лимфатических узлов; гибли от усталости, от изнурения, от инфекций и от вражьего удара. Никто не умирал от старости. Тогдашнее время не занималось дистилляцией смерти – у него на это попросту не было времени...

Оседлый Озерный народ жил в мире и согласии; спланивали нас ежедневные заботы, но не только они: нас объединяла и вера в Незримое. Мы сообща владели Озером и боготворили его Духов; пользовались рекой и поклонялись ее Душе, черпали из источников и почитали их Нимф. Природа была изобильна, и соперничать за ее дары нам не приходилось. Между деревнями шел обмен предметами и женщинами. Почему предметами? Потому что наш каменотес мастерил прекрасные топоры, его брат – острые наконечники для стрел, в другой деревне ювелир изготавливал изысканные ожерелья, там ткач выделял пестротканое полотно, а тут кожевник отменно дубил кожи. Почему женщинами? Может, они казались сноровистей жителям соседней деревни или более крепконогими жителям дальней? Смысл этого прочного обычая, отголоска смутной необходимости, был нам неведом.

Что знали мы об остальном мире? Никто из нас не отваживался отлучиться на три дня ходьбы от берега Озера, иначе он и не вернулся бы. Порой какой-нибудь разговорчивый

странник, сидя вечером у очага, рассказывал нам о других озерах, и даже о тех, чья вода для питья непригодна, об озерах норовистых, бурных и смертельно опасных. Нас тешили эти небылицы, но мы не верили рассказчику, и нам представлялось, что мы живем в центре мироздания, а другие народы нам и в подметки не годятся¹.

Люди всегда были склонны к расизму, и мой тысячелетний опыт это подтверждает. Я не знаю ничего более стихийного – чтобы не сказать «естественного», – чем презрение одной группы людей к другой.

Мы, Оседлые Озерные люди, всегда считали себя высшей расой по сравнению с этими нечестивцами Охотниками. Они не говорили на нашем языке, и обменивались между собой

---

¹ Я не знал о существовании соленой воды. Мы жили вдали от морей и океанов, не имели о них понятия, а потому у нас было свое представление о различиях воды. Мы знали *живую воду* источников, *спящую воду* Озера и воду, *упавшую* с неба. Они были воплощением не связанных между собою Божеств: Озеро-защитник, Нимфы-благотворительницы и небесные Духи. Мы не видели между ними связи. Ведь их воды отличались на вкус. Различные и по качеству, и по обилию, эти воды имели разное применение: *живая вода* была для питья, *спящая вода* давала нам пищу, а *упавшая вода* была то благом, то карой небесной, смотря по тому, как Боги, строгие отцы наши, оценивали наши дела. Нам и в голову не приходило, что это родственные воды: озерная вода испарялась и формировала облака, которые изливались на земную поверхность, питали горизонты грунтовых вод, из которых били источники, питавшие ручьи и реки, а те несли свои воды в Озеро. Эта неразрывная связь от нас ускользала. Мы различали их по внешнему виду и по применимости в нашем хозяйстве. Сегодня это движение жидкостей, доказанное учеными, еще больше кружит мне голову. Кто это выдумал? Какая высшая сила обходит преграды и созидает эту гармонию? Если случай, то он гениален! – *Здесь и далее примеч. автора, кроме отмеченных особо.*

звериными воплями, и вроде бы понимали друг друга – так ведь и собакам внятен лай своих сородичей. Они плохо питались, не мылись, и от них воняло нечистым телом, их патлы кишели блохами. К тому же спали они под открытым небом или в пещерах, как волки, в лучшем случае в сооруженном на скорую руку шалаше, крытом шкурами, а строить прочных домов не умели. Убивать, набивать брюхо и спать, да еще совокупляться – вот к чему сводились их дела. Звери! Все их умение – загнать и умертвить добычу, отрясти яблоно. Разграбив и обескровив какую-то местность, они покидали ее, а возвращались годы спустя, когда ее растительный и животный миры восстановятся, чтобы снова разорять ее и опустошать. Нет чтобы учиться возделывать землю, ухаживать за растениями, содержать скотину, дающую молоко, мясо и шерсть, – они обрекали себя на вечные скитания. Они только разрушали, ничего не созидая. Мы, Озерные жители, запасали зерно и копченую рыбу, что позволяло нам пережить трудные месяцы года, а они жили сегодняшним днем – самые хитрые таскали с собой мешок орехов, но самые сильные убивали самых хитрых, чтобы полакомиться их запасами.

– Они убивают своих детей, это уж точно, – шептала Мама, теребя янтарный амулет, оберегавший от Демонов.

«Детубийцы» – так мы называли варваров. Мы знать не знали, правда это или вымысел; но когда мы видели их женщин с младенцами, крепко прилаженными у них за спиной,

и самих Охотников, готовых на все, лишь бы прокормить этих заморышей, нам было трудно поверить, что они убивают свое потомство.

– Они их лопают, – догадалась Абида, моя младшая сестрица.

– Страсти какие! – ужаснулась Библа, самая младшая. – Люди друг друга не едят.

– Охотники не люди!

Мы так часто спорили об этом, что однажды вечером Панноам, мой отец, предложил нам такое объяснение:

– Охотники рожают меньше детей, потому что с большой гурьбой малышни трудно передвигаться. Каждый из родителей несет по одному ребенку. Они не заводят нового, пока предыдущий не встанет твердо на ноги. В отличие от нас, они не образуют больших семей².

Отец мой умудрялся оставаться справедливым, даже говоря об Охотниках, этом ходячем ужасе для нас, жителей Озера.

Когда мой тридцатилетний дед Каддур, помаявшись животом, окончил свои земные дни, деревенским вождем стал мой отец.

– О чем речь, Панноам лучший из нас, – в один голос говорили люди.

Панноам обладал лидерскими качествами, и видно это было с первого взгляда. Он был статным – длинноногим, ши-

---

² Матери подолгу кормили грудью, что снижало риск новой беременности.

рокопличим, мускулистым, – и я унаследовал его телосложение, а черты его лица говорили о ясности и уравновешенности. Его крепкая шея, мощные челюсти и виски, изборожденные лиловыми венами, изобличали характер, склонный к решительным поступкам; высокий лоб свидетельствовал об уме, взор был мягким, полные губы – чувственными. Стоило ему появиться, становилось ясно, что это настоящий вождь.

– Видеть и предвидеть, Ноам, – любил повторять он. – Ты должен видеть и предвидеть. Не довольствуйся тем, что есть, заботься о том, что будет.

Его внимание простиралось на годы вперед, он был зачинателем многих будущих перемен.

Он велел нам покинуть прибрежные деревянные свайные дома, которые мы возводили зимой во время низкой воды.

– Зачем? Мы же всегда так поступали! – протестовали жители³.

– Вода поднимается.

– Так это сезонный подъем воды, обычное дело.

В течение года уровень воды колебался в пределах двух человеческих ростов. Осенью вода поднималась по сваям, доходила до порога наших жилищ, иногда и подтапливала их. Озерные люди объясняли высокий подъем гневом Озерных Духов и старались задобрить их, принося им жертвы и

---

³ Дома, расположенные на берегах озер, несомненно, были первыми очагами оседлой жизни, поскольку Озеро почти бесперебойно обеспечивало пищу: у жителей не было стимула двигаться с насиженного места.

щедрые дары. Когда уровень снижался, они полагали, что Божества умилились и вняли их молитвам.

По словам Панноама, средний уровень от года к году повышался, хотя многие не соглашались. Один дом мог простоять лет десять – дубовый чуть дольше, чем из хвойников. семья отстраивала очередной дом, немного отступая от озера, поскольку старое место оказывалось подболоченным, – это и доказывало, что воды неуклонно подъедали землю.

– Это не злой рок, Ноам, это перемены.

– А какая разница?

– Под гнетом рока сгибаются, а к переменам приспосабливаются.

– Но ведь мы молимся Озерному Духу и Душам речным.

– Сомневаюсь, что поведение Озерного Духа и речных Душ зависит от желаний Озерного народа. Если Божества решили потолстеть, они толстеют без оглядки на наши поступки. Нам остается лишь одно, Ноам, – слушать их, ведь они сильнее нас.

Ему удалось убедить не только меня, он склонил соплеменников к постройке защитной дамбы. И вся деревня переместилась выше. Отец распорядился строить дамбу в два этажа: основание каменное, а верхняя часть саманная, с деревянной арматурой. Эта стена была надежным щитом от ветров и непогоды.

Всегда держа меня при себе, чтобы научить уму-разуму, Панноам организовывал людей для борьбы с внешней опас-

ностью. У нас и прежде было разделение обязанностей: жители занимались кто гончарным делом, кто ткачеством, один вил веревки, другой тесал камень, третий работал по дереву – так отец убедил людей усилить разделение труда.

– Некоторые будут заниматься только безопасностью деревни. Освободим их от хозяйственных работ, пусть защищают нас и от одиночных грабителей, и от охотничьих банд.

Жители возмутились:

– Варвары атакуют нас не так уж часто! По-твоему, Панноам, мы, земледельцы и скотоводы, будем содержать бездельников, которые работают от случая к случаю?

Отец мой возразил, что эти «бездельники» станут ежедневно оттачивать владение оружием, совершенствовать топоры, ножи и копья. Община с благодарностью оплатит их труд.

– Вы не хуже меня знаете, что не все рождаются земледельцами и скотоводами. Вам известно и то, что хороший козопас или хлебороб может оказаться никудышным воином. К тому же юность велит человеку шевелиться, бегать, драться, а зрелость склоняет к размышлениям. Распределение ролей позволит каждому найти свое дело.

Как ни странно, люди прислушались к словам Панноама. Из десятка отчаянных мускулистых парней, настоящих сорвиголов, был сформирован отряд, который защищал нас, наши поля, стада и амбары от грабителей и непрошенных гостей. Тем самым мой отец изобрел полицию и армию.

Жители деревни ликовали, расхваливали на все лады наш новый миропорядок, о нем прослышали соседи. Вожди соседних приозерных деревень наведывались к нам, присматривались к нововведениям, подолгу беседовали с Панноамом и постепенно стали воспроизводить наши нововведения у себя.

Все восхищались моим отцом. Я его любил.

Я любил его больше всех на свете. Любил так, что ни разу не усомнился в его правоте. Любил так, что старался даже в мелочах походить на него. Любил самозабвенно. Скажи он мне: «Умри!» – и я бы тотчас умер.

Мне ни разу не пришло в голову, что он может ошибаться. Я не осуждал его и за то, что он навязал мне союз с Миной, не упрекал за вынужденное сожителство с женщиной, к которой я был равнодушен, я покорно принимал уготованную мне судьбу – наследовать ему – и сомневался лишь в одном: стану ли я достойным его преемником.

У Мамы были каштановые волнистые волосы, прекрасные зубы, великолепное здоровое и беззаботное тело. Она разговаривала с односельчанами весело и добродушно, однако была в ее манере и властная непререкаемость. Тщательная ухоженность – украшения, крашенные ногти, легкие румяна, сложные прически и розовые духи – не лишала ее естественной прелести, но возносила над другими женщинами. Она умела себя подать. Боготворила ли она мужа? Ей нравилось быть его супругой, она любила его любить – его, великолеп-

ного, главного. Жить в ответах его славы.

Ноам, сын Панноама, смиренно готовился стать следующим Панноамом. Ничто не разделяло отца и сына, разве что несколько лет – пятнадцать, – и мое будущее вырисовывалось схожим: ясным, прямым, благородным.

А потом появилась Нура.

А потом начались бури.

Впрочем, Нура и сама была бурей.

И сын восстал против отца.

* * *

– Не смотри на меня так, не то я забеременею.

Это было первое, что я услышал от Нуры. Мы не были знакомы, я был среди своих, а она оказалась на чужой территории; и, несмотря на шаткость своего положения, она сказала мне бархатным голосом:

– Не смотри на меня так, не то я забеременею.

Я застыл с открытым ртом, сомневаясь, что уловил смысл ее слов.

Нура с любопытством разглядывала меня своими немислимыми зелеными глазами. Она была миниатюрной, но мне казалось, что она надо мной высится. А причиной тому были насмешливо изогнутые брови, будто нарисованные, чистые черты лица, точеный силуэт, высокомерная утонченность рук и ног, но главное – эта странная оживленная непо-

движность: покой был видимостью, я ощущал в ней кипение сил, они толкали ее к действию, но она умела их усмирять, в иные мгновения эти силы выходили на поверхность, и тогда ее кожа подрагивала; они сообщали плотность и неотвратимость ее присутствию.

– Не смотри на меня так, не то я забеременею.

Мое тело тотчас отметило ее красоту: у меня перехватило дыхание, я залился румянцем и не мог шевельнуться. Я был потрясен. Я ничего не понимал. Плоть моя пробудилась, а сознание отключилось. Это был кадр первый из долгой серии под названием «эффект Нуры»: тело живет, разум спит.

Когда до меня дошел смысл ее фразы, я испугался и был готов умереть со стыда, если кто-то еще ее расслышал. Но, быстро оглядевшись, я успокоился. В этот ярмарочный день всякий занимался своим делом: один предлагал чернику, собранную по склонам холмов, другой торговал охрой, третий разложил глиняные блюда и горшки, тот сбывал мотки пеньки и крапивную пряжу, этот разворачивал полотно, кто-то расхваливал кожаные накидки, а кто-то расставил на рогоже сандалии и башмачки, не говоря уже о крестьянах, которые, насвистывая, тянулись в поля. Как я наивен! Нура – тогда мне это было еще неизвестно – пускала стрелы без промаха: если бы ей хотелось быть услышанной зеваками или торговцами, она метнула бы голос вдаль; но она смодулировала его, установив наше сообщничество и близость.

Чтобы стряхнуть оцепенение, я пробормотал:

– Меня... меня... зовут Ноам.

– А я тебя ни о чем не спрашивала.

Она отвернулась от меня и увлеклась беседой наших отцов, сидевших под Липой справедливости, где Панноам обычно выслушивал жалобы людей. Пользуясь передышкой, я восхищенно разглядывал нежный легкомысленный носик Нуры, который рассказывал совсем другую историю, чем ее выступающие гневные скулы или гладкий девичий лоб. Покачивая головой, она следила за беседой старших, и это покачивание выражало то согласие, то возражение.

Я для нее уже не существовал, и очень скоро это стало для меня невыносимым.

Я коснулся ее кулачка, чтобы привлечь внимание. Она с ужасом вздрогнула, отскочила на шаг и строго на меня посмотрела – с таким выражением лица бранят нашкодившего ребенка. В ее глазах гневно вспыхнули золотистые змейки.

Не обращая внимания на ее возмущение, я настаивал:

– Ты не сказала, как тебя зовут.

– Скажу, если захочу, чтоб ты меня позвал.

Она резко отвернулась, и это означало: «Довольно. Отстань».

Никто еще со мной так не обращался! Да за кого она себя принимает, эта незнакомка?

Я топнул ногой. Она сощурилась. Я возмутился:

– Тебе известно, что я сын вождя?

– Всякий чей-нибудь да сын... – откликнулась она, пожи-

мая плечами.

И демонстративно повернулась ко мне спиной.

Я был страшно возмущен. Прислушаться к беседе Панноама с незнакомцем я был не в состоянии, и мне захотелось отхлестать гордячку по щекам, швырнуть на землю, оттаскать за волосы и колошматить до тех пор, пока она не взмоется о пощаде. Тогда уж я не буду ей безразличен!

Почуяла ли она мой нарастающий гнев? Ее затылок и лопатки вздрогнули, будто она уловила мое состояние.

Наши отцы обнялись, и Панноам махнул рукой в сторону домов; толкнув невидимую дверь, он будто приглашал незнакомца в гости.

Девушка стремительно развернулась ко мне лицом, подошла близко, совсем близко, я ощутил ее дыхание, и прошептала грудным голосом, опустив ресницы и почти робко:

– Здравствуй, Ноам. Меня зовут Нура. Я рада с тобой познакомиться.

Я блаженствовал. Она пахла как сердцевина прекрасного цветка, ее аромат был сладким и пьянящим, с перчинкой и капелькой смолы. Мне показалось, что я вдохнул тайну.

– Привет!

Она вспорхнула, весело и проворно подскочила к своему отцу, схватила его за руку, как маленькая девчушка, и они стали спускаться туда, где дорога сужалась и бежала к берегу, огибая ивы и заросли тростника.

В тот день над белесым Озером повисла терпкая жара.

Небо беспощадно голубело.

Кто она такая, эта Нура? В один короткий миг онадохнула на меня теплом и холодом, ей было пятнадцать лет, тринадцать, потом восемь. В один короткий миг я испытал удивление, любопытство, восхищение, досаду, ненависть и надежду.

Я подошел к отцу:

– Кто он?

– Тибор-целитель, лечит людей и животных, – отвечал отец.

Я не стал уточнять свой вопрос, целью которого была Нура. Я почуял опасность лихорадочного возбуждения, в которое она меня повергла.

– Зачем Тибор приходил?

– Предлагал нам услуги. Он жил в деревне на берегу Озера, в нескольких днях отсюда в сторону восходящего солнца. Деревня погибла под грязевыми потоками.

– Грязевыми потоками?

– После ливней часть холма сползла. Деревню смыло. Всю целиком.

Я встал на то место, где недавно стоял Тибор. Все вокруг было исполнено покоя и гармонии, мягко сдобрено запахами цветущей липы и располагало к созерцанию. А мне хотелось броситься на землю и расплакаться.

– У этого Тибора только одна дочь?

– Да.

На лбу отца пролегли морщины. Я подумал, что он разделяет мое беспокойство.

– Странно!

– Странно, Ноам?

– Так мало детей? И нет жены? Так живут Охотники. А не Озерный народ. Видимо, отец и дочь принадлежат к Охотникам. Варвары! Неужели ты им доверяешь?

Я внезапно осознал причину своего горя: эта девушка вызвала во мне такую бурю разных чувств просто потому, что она принадлежит к чужой расе! Конечно, под этой чистой, изящной, причесанной, ухоженной и ароматной личиной прячется Охотница! Пусть она и умеет изъясняться человеческим языком, но она Охотница! Вот почему она показала мне чужестранкой: я почуял в ней дикарку.

Отец добродушно посмотрел на меня:

– Тибор странствует с дочерью. Во время того оползня все жители деревни погибли. Его жена и сыновья погибли тоже. Благодарение Духам, он с дочерью собирал тогда лекарственные травы в другой части долины. Это их и спасло.

Он положил руку мне на плечо.

– Их печаль беспредельна.

Я тотчас исполнился сочувствием к Нуре и объяснил себе ее дерзкое поведение желанием скрыть за ним свою тоску.

Отец с улыбкой взглянул на меня:

– Твоя подозрительность похвальна, Ноам. Всегда будь настороже. Пекись о людях, когда твой народ беспечен, будь

недоверчив, когда твои люди доверчивы, будь озабочен, когда они беззаботны. Но сейчас ты ошибся. Тибор и его дочь не представляют для нас опасности. Более того, они принесут нам пользу, если поселятся у нас. Они нам пригодятся. У нас нет целителя.

Я ощутил всей кожей умиротворение и покой. В голове мелькнула картинка: Нура прижалась ко мне, свернувшись клубочком.

– Да, отец. А куда они ушли?

– К родным, где они остановились. День пути от нас. Они вернутся.

– Они поселятся у нас?

– Я это предложил Тибору.

– Почему Тибор решил жить у нас?

Меня терзали противоречивые мысли. Только что я боялся вторжения незнакомцев в нашу жизнь. Теперь мне было страшно, что они передумают. И от каждой из этих возможностей меня лихорадило.

– Он слышал о нашей деревне. Слышал хорошее.

Панноам из скромности лишь полусловом обмолвился, что доброй славой наша деревня обязана его нововведениям, перенятым нашими соседями. Я успокоился. Он добавил:

– К тому же его весьма заинтересовала ярмарка. Тибор встретил здесь многих своих пациентов и приобрел травы, собранные в дальних краях.

Мой отец учредил ярмарки несколько лет тому назад, на-

рушив привычный неторопливый уклад. Для процветания деревни он предложил ремесленникам и крестьянам собираться раз в неделю и обмениваться своим добром. Ярмарки привлекли и жителей окрестных деревень, приходили и из дальних. Теперь уже все Озерные жители знали о нашей деревне, в которой насчитывалось три десятка домов.

– Тибор заметил, что здесь нас никогда не смоет оползнем.

Я оглядел окрестность, дабы убедиться в справедливости отцовских слов. Наша деревня, отстроенная на естественном плато с отступом на полусотню шагов от озера и с подъемом на десять локтей над уровнем высокой воды, питьевую воду получала из двух ручьев – того, что в стороне восходящего солнца, и другого, что в стороне заходящего. Эти ручьи издавна протекали по слабохолмистым равнинам. Ничто не застило наш горизонт, когда мы пробуждались ясным утром; не видели мы крутых гор со снежными шапками, какие высились на другом конце Озера – узком, уходящем в теснину – над погибшей деревней, где прежде жили Тибор и Нура.

– Поручаю тебе позаботиться о Тиборе и его дочери.

– Можешь на меня рассчитывать, отец.

Я ликовал, что мне доверено дело, которое позволит видиться с Нурой.

– Пойдем займемся собаками.

Я сопровождал Панноама на луговину, где мы дрессировали собак. Мне нравилось вместе с отцом их приручать: это было еще одним его нововведением, самым любимым.

В те времена в окрестных лесах обитали волки и дикие собаки, и их стаи нередко причиняли жителям беспокойство. Отец мой заметил, что наши всегдашние враги, Охотники, ловко использовали собак, умудряясь с ними уживаться.

— Ясное дело, — говорила Мама, — ворон ворону глаз не выклюет.

— Звери из одной своры! — вторила ей Абида.

— Во всяком случае, блохи у них общие.

Отец не любил долгих разговоров; наблюдая за хищниками, он научил меня отличать собак от волков: более кряжистые, покороче волков, вполонину легче их, собаки не имели седого окраса, их масть варьировалась от белой до рыжей; они нередко проявляли дружелюбие и приближались к людям с опаской — но и с интересом; их рацион был схож с нашим, они не брезговали и растительной пищей, тогда как волки всегда оставались плотоядными.

Панноам рассказал мне, как собаки могут быть помощниками в охоте: одни хорошо держат след благодаря острому нюху, другие атакуют животное, третьи приносят уже подбитого зверя. Мы часто ходили с нашей сворой охотиться на зайцев, ланей и кабанов.

Отец исследовал и их сторожевые способности. Поскольку собаки подавали голос, стоило человеку или животному приблизиться к их территории, Панноам включил их в состав нашего боевого отряда: по ночам воин с собакой охранял подступы к деревне.

– Если воин ненароком задремлет, собака продолжит его работу часового.

Ему не давала покоя идея приобщить собак к охране наших стад.

– Только представь себе, Ноам, сколько рабочих рук мы высвободим! Если у нас получится, уже не нужны будут пастухи!

Сегодня мы проводили эксперимент: загнать муфлонов на пастбище и выпустить к ним собак.

– Но если собаки их пожрут, отец?

– Я накормил их на рассвете.

Муфлоны разбрелись по лугу и мирно паслись. Панноам выпустил собак.

Они с лаем бросились к муфлонам. Я похолодел. Я боялся, что собаки их покусают. Но очень скоро я увидел, что они заняты совсем другим: они сгоняли животных в стадо! Они поджимали их в замкнутое пространство, бегая с лаем вокруг. Будто послушались моего отца... А он так и прыгал от радости:

– Чудесно, Ноам! Они будут отличными пастухами.

Он предложил мне прикинуться хищником и пробежать за кустами по краю пастбища.

Что я и проделал, набросив на плечи вонючую лисью шкуру.

Едва почуяв чужака, собаки стали прыгать вокруг муфлонов, защищая их. Они не давали мне приблизиться, лая, ры-

ча и показывая клыки. Одна из них готова была на меня кинуться, я еле успел сбросить шкуру, чтобы пес меня узнал.

– Зарро, тихо!

Панноам успокоил пса, а потом возбужденно подскочил ко мне, обнял меня, поднял и победно понес на вытянутых руках, хотя я уже сравнялся с ним ростом.

Мама нагрязнула в разгар нашего веселья. Ее давно раздражало, что Панноам без конца возится с собаками, тратит на них время и пищу, возмущало, что он разговаривает с ними и дает им имена. И всякий раз ворчала:

– Неужели ты думаешь, что они тебя понимают? Они понимают твой тон, и ничего больше.

Отец оставлял ее ворчание без ответа, и ей было обидно. Но сегодня она радовалась его успеху и била в ладоши, и на ее полных руках побрякивали браслеты из ракушек. Отцовское упрямство было ненапрасным, собаки оказались полезны. Она улыбнулась:

– Ты выдумал блохастого пастуха.

Но когда Панноам отвечивал собакам комплименты, трепал их по холке и говорил каждой: «Хорошая собака!» – ей было не удержаться от колкости:

– Мой бедный Панноам... Если бы тебя люди видели...

Отец подмигнул мне с улыбкой, означавшей: «Смотри, она меня так любит, что на дух не переносит, когда я ласкаю пса».

А мама тоже переглянулась со мной, и в ее глазах чита-

лось: «Твой отец обожает, когда я над ним подтруниваю».

Вечером я вернулся к себе домой. Мина, сидя на циновке по-турецки, дробила зерно. Входя, я заметил, что она смахнула слезу, и понял, что она все еще тоскует по нашим умершим близнецам.

Я взглянул на нее новыми глазами. Она была похожа не на женщину – скорее на крупную располневшую девочку. На ее круглом веснушчатом лице застыло печальное удивление; пухлые бледные губы были полуоткрыты, в глазах, чуть навывкате, теплилась болезненная покорность.

Я почувствовал к ней жалость. Мягкую, нежную и ласковую.

Присев на корточки, я обнял жену. Она отозвалась на ласку, обмякла в моих руках, и я понял, как давно ожидала она моей нежности. В самый разгар летней жары мы защищали друг друга, свернувшись клубком, съезжившись, будто на дворе стояла лютая стужа и лишь наше тепло могло уберечь нас от смерти.

Обнимая Мину, я думал о Нуре. Как они непохожи! Незнакомка раздражала меня, Мина растрогала. Незнакомка сделала меня неуклюжим, Мина – сильным. Незнакомка прекрасно обходилась без меня, Мина во мне нуждалась.

Я впервые почувствовал себя мужем этой юной женщины. До сих пор я предоставлял себя нашему браку; сегодня я ему отдавался. Мина оплакивала своих мертвых детей, но когда-нибудь, глядя на наших живых детишек, она засмеет-

ся. Только я один смогу развеять эту мертвящую меланхолию.

Я целовал ее шею мелкими частыми поцелуями, потом подвел ее руку к своему детородному члену, чтобы она поняла, что я хочу ее взять.

Она склонила голову. Увлекла меня вглубь дома, закрыла дверь и встала на четвереньки. Мы медленно, тихо и тщательно совокуплялись в полутьме, без всякого пыла, как выздоравливающие после тяжелой болезни... Как ни странно, мне это понравилось.

* * *

Я подждал Нуру на входе в деревню.

– Что?

Она удивленно посмотрела на меня.

Думая, что она шутит, я застыл перед ней с глупой улыбкой. Она без всякого выражения вытаращила глаза:

– Кто ты?

– Нура, мы встретились два дня тому назад.

– Что?

Неужели она забыла тот миг, когда мы познакомились под Липой справедливости? Я растерялся:

– Ну как же!.. Ты же помнишь... я тот, кто... ну, тот, кому...

Нет, я не собирался повторять фразу, которую она мне

бросила: «Не смотри на меня так, не то я забеременею», – мучительное воспоминание.

– Тот, кому?.. – повторила она, подбадривая меня, как говорят с дурачками.

Я перевел дыхание и выпалил:

– Я Ноам, сын Панноама, вождя нашей деревни.

Ее лицо просияло.

– Ноам! Какая приятная встреча!

Мигом переменившись ко мне, она казалась очарованной и, запросто просунув ладонь мне под локоть, оперлась на мою руку. Мы пошли в деревню.

– Как удачно, что мы поселимся у вас! В других деревнях просто ужас! Голодуха, все какие-то жалкие уроды и калеки. Мне не пришлось уговаривать папу; он обычно такой нерешительный, а тут был совершенно со мной согласен. Мы избежали худшего!

Она мило болтала за двоих, ее речь пенилась, искрилась и переливалась, как песенка соловья.

Я молчал, настолько ее первые слова выбили меня из колеи. Неужели она помнит не меня, а только сына вождя? Никогда прежде мое положение не казалось мне столь завидным, ведь теперь оно позволило мне завладеть вниманием Нуры, завоевать ее уважение, пройти с ней под руку. Наш контакт волновал меня до дрожи, особенно когда ее пальчики едва касались моей руки.

Я соглашался с каждым ее словом. Я снова совершенно

одурел, но на сей раз был счастливым дураком. Мало того, идя по собственной деревне, я чувствовал себя польщенным, потому что прогуливался с ней под руку. Богиня извлекла меня из болота и возвела рядом с собой на пьедестал. Нура умела делать такие перестановки.

– Какая у тебя нежная кожа!.. – воскликнула она.

Остановившись, она залюбовалась моими лиловеющими под кожей сильными венами, змеившимися на запястье. Она проследила пальчиком одну из них. Я вздрогнул. Нура вводила меня в ступор; до сих пор ни одна женщина не вела себя так со мной: я превратился в ломоть желанной плоти.

Видя мое замешательство, она выждала несколько мгновений, затем как ни в чем не бывало продолжила путь. Когда мы шли мимо горшечника, я уже не прислушивался к ее щебету, а пытался успокоить себя, делая глубокие вдохи и выдохи.

Я привел ее к новому дому, который подготовил для них мой отец. Ее восхищала каждая деталь: добротная каменная кладка фундамента, потолок, сплетенный из ивовых прутьев, служившие чердаком полати, хитроумная саманная обмазка, которая выглядела очень эффектно, хотя это была всего лишь смесь глины, соломы, конского волоса и шерсти.

Когда подошел Тибор с котомками, в сопровождении мула, едва не валившегося с ног под грузом поклажи, Нура хозяйски воскликнула:

– Ой, папочка, давай я тебе помогу!

Жестом, не допускающим возражений, она велела мне перехватить у ее отца две котомки, а сама взяла у него из рук дорожную флягу.

— Вот так-то лучше...

В темном широком плаще с множеством карманов Тибор казался коренастым, а на самом деле был худощав и поджар. Чернобородый и черноволосый, с проседью; высокий лоб венчал изможденное лицо с тонким костлявым носом, а под серыми внимательными глазами проступали круги. Его большие руки с длинными пальцами и аккуратными ногтями приковывали внимание и тоже казались умными.

Как и его дочь, он был полон противоречий: оживленный и измученный, увлеченный и рассеянный, заинтересованный и пресыщенный. Но в отличие от Нуры преобладала в нем угрюмая тоска по прошлому. Часть его сознания жила в этом прошлом, переживала утрату; его взор то и дело застывал где-то вдали, рука замирала, не доведя жеста до конца, фраза на полуслове обрывалась. Было ли это уныние свойством его натуры или следствием гибели его супруги и сыновей?

Я думал, что в многочисленных тюках находились инструменты, необходимые Тибору для врачевания; но оказалось, что все его добро, спасенное после оползня, занимало единственный мешок, остальные же котомки были набиты платками, платками, башмаками.

— Ваша одежда уцелела?! — простодушно воскликнул я.

– Нет, – отвечал Тибор, – мы потеряли все. Эти обновки я купил для Нуры, пока мы бродяжничали.

Я не мог скрыть удивления. Тибор потупился. Моя привилегированная Мама на всякое время года и на разные случаи располагала всего пятью нарядами, ни больше ни меньше. Казалось, Тибор не только утолял прихоти своей дочери, но и потворствовал им. Может, она отвлекала его от печальных мыслей?

Он выудил из кармана кусок антрацита, подошел к дому, оглядел стену, ощупал ее, выковырял из нее кремневым резцом камень и воткнул антрацит в дыру.

– Зачем это?

– Я вставляю громовую стрелу.

– Что?

– Громовую стрелу. Громовая стрела приняла удар молнии и обрела мощь. В ней пребывают Духи. Она согревает и защищает, как огонь. Скажем, если у тебя болят почки, ты прикладываешь ее внизу спины, и боль стихает. А в стену я ее воткнул, чтобы она охраняла дом.

– Откуда ты знаешь, что в нее ударила молния?

– Я подобрал ее поутру у основания скалистого пика, который за ночь раздробила молния.

Отныне по отцовскому распоряжению я ежедневно навещал их, дабы убедиться, что они ни в чем не нуждаются.

Нура что ни день оказывалась в новом расположении духа, да и оно подчас успевало при мне поменяться. Пересту-

пая порог, я никогда не знал, что меня ждет. То она подбегала ко мне с лучезарной улыбкой и увлекала на прогулку; то представляла уютной домоседкой и предлагала отведать ее стряпни, даже закармливала меня до отвала; то встречала меня недовольной гримасой, означавшей, что я ей докучаю, а случалось, не подымала головы и сидела недвижно, погруженная в свои глубины.

Она то и дело меняла наряды из тонкого крапивного полотна, иногда беленого, иногда крашеного, – крапивное полотно оказалось нежнее, мягче конопляного, вдобавок Нура украшала его вышивкой, цветными камушками и ракушками, и я очень скоро понял, что должен не только замечать эти перемены, но и говорить о них. Она ликовала, слушая мои комментарии, всегда льстивые, потом вздыхала и с жалостью произносила:

– Мой бедный Ноам, ты ничего в этом не смыслишь.

Я оглядывался на Тибора, ища поддержки. Нура добавляла:

– Он тоже ничего в этом не смыслит. Мужчины ничего в этом не смыслят!

Она смеялась. Однажды я спросил ее:

– А женщины?

– И женщины тоже. Разве ты видел со вкусом одетых женщин в вашей деревне? Конечно, я не говорю о твоей матери.

И снова рассмеялась. Я нахмурился:

– Нура, объясни мне: если ты наряжаешься ни для муж-

чин, ни для женщин, то для кого?

— Для себя! — выпалила она, возмущенная моей недогадливостью.

Ее признание меня озадачило. Неслыханное дело для нашей общины! Она что, с луны свалилась?

Нура часто болела. Несерьезно, всегда чем-то разным, но часто. Тогда она встречала меня, не вставая с подушек, движения ее были замедленны, она говорила слабым голосом, в голосе слышался намек, что наша встреча может оказаться последней. Как же такое совершенное и здоровое с виду создание вмещало столько недугов? Сегодня у нее горели виски, на днях была тяжесть в желудке, на завтра щемило в подреберье, двумя днями позже скребло в горле, три дня спустя жужжало в ухе, а то вдруг вздувалось веко или пересыхало в горле... Кто бы мог подумать, что тело таит так много оттенков нездоровья и к тому же страдает от всех от них одно-единственное существо!

В такие дни Тибор отправлялся на поиски нужного снадобья и приглашал меня с собой. Я тотчас соглашался, желая поскорее облегчить страдания Нуры.

В ходе наших прогулок Тибор открывал мне неслыханное богатство Природы, о коем я прежде не подозревал. Конечно, я знал, что миром управляют Духи: Дух Озера, Дух Ручья, Дух Ветра или Дух Бури, между тем представления о них у меня были самые зачаточные. Незаурядный мудрец, умелый кудесник и тонкий знаток духовных сил, он поучал

меня, что Духи населяют каждое дерево, каждый камень, каждую былинку, что они исцеляют нас, если мы их понимаем. Он обучал меня читать книгу мироздания:

– Возьми, к примеру, эту липу, Ноам, Липу справедливости, под которой твой отец вершит деревенские дела. Под корой ее обитают очень мощные Духи. Замечал ли ты, что люди под ее кроной становятся умиротвореннее? Они ощущают воздействие Духов. Духи, живущие в толще ствола, источают свою силу вовне, в воздух, но более того – в листья, в цветы. Взгляни на форму липового листка – что ты о нем скажешь?

– Похож на сердце.

– Верно! Потому она и умиротворяет. Настой из этих листьев успокоит тебя и даже поможет заснуть, как колыбельная песня. А теперь взгляни на цветок. Видишь ли в нем отпечаток Духов? Что скажешь?

– Хм...

– Что он тебе напоминает?

– Такой крошечный... вроде... нет, это глупо... похож на волоски... которые в носу растут!

Я поднес его к носу и чихнул. Глаза Тибора лучились. Этот суровый человек улыбнулся, стоило мне проявить интерес к тайнам Природы.

– Молодец! Ты ухватил суть! Это шарик, состоящий из крошечных волосков, вроде тех, что оснащают наш нос. Вообрази, что настой из этих цветов укрощает истечение влаги,

которое так докучает нам в зимнюю стужу.

– Не может быть!

– Так оно и есть! Это знали мой отец и отец моего отца. И ты увидишь мою правоту, когда я назначу этот настой Нуре. Я был восхищен открывавшимися мне горизонтами.

– Значит, Духи не только наделены силой, они еще и подают знаки?

– Ты все верно понял, Ноам. Целитель уловляет знаки и идет по следу; он должен внимательно их наблюдать.

– Глазами?

– Глазами, ушами, носом, языком, пальцами. И воображением.

– Воображением?

– Да.

– Наблюдать воображением?

– Воображение – это язык, коим Духи обращаются к нам. Дабы приобщить меня к силам, нужным для воображения, Тибор прерывал наши скитания, мы усаживались в тени дуба, и он заставлял меня мечтать.

– Для познания мира нет ничего лучшего, чем мечты. Нет, не спать, но бодрствовать. Не сны видеть, а грезы.

– Как?

– Прерви поток своих мыслей о пользе вещей, забудь о том, как они тебе служат, забудь о пище, о доме. Созерцай.

– Это непросто.

– Отвлекись от своих потребностей, желаний, ожиданий.

Не рассуждай. Разорви привычную связь с миром. Дыши медленно, глубоко. Погрузись в эту глубину.

Поначалу я раздражался своей неспособностью следовать его урокам, и он предложил мне покровителей.

– Кто они?

– Сущности, которые помогут тебе расстаться с собой, проникнуть в пространство мечты и соединиться с Духами.

– Например?

– Огонь. Вода.

Однажды вечером он продемонстрировал, как огонь овладевает мною: я пристально глядел на пламя, которое колыхалось, вздувалось, опадало, устремлялось к луне, кидалось лизать головню, окаймляло ее красным кантом, постреливало искрами, пряталось в раскаленные угли, взметалось буйной стеной; круговерть моих мыслей слабела, а под конец я и сам, зачарованный, стал добычей этого пламени.

– Ну вот. Духи тебе явились.

На другой день он подверг меня подобному эксперименту с водой.

– Подвижная вода – это жидкое пламя.

Вперившись взглядом в поток, в его пену, в игру бликов, в сверкание брызг, я ощутил энергию воды и уловил над струями танец воздушных Духов.

– Тибор... я не владею собой...

– Пока ты владеешь собой, ты видишь лишь то, что хочешь увидеть, слышишь только свои слова. Но если ты от-

дашься потоку происходящего, Духи явятся.

Тибор практиковал гипноз с помощью стихий – мерцающего пламени, текущей воды, ветра в древесных кронах, – чтобы погрузиться в мечты; ступив на эту территорию, он постигал истинную ткань жизни, ее устройство, связи – поэму, которую издревле писали Духи и которую мы, смертные, читать не умеем.

– Мы слепы к миру, ибо ослепили себя. Мы глухи к миру, ибо оглушили себя. Мечта спасает нас, возвращая в мир.

– Что я найду?

– Истина лежит в зазорах. Там, где не хватает ясности, четкости и логики. В намеках, в образах, в несоответствиях. Так благодаря мечте я нашел снадобье, которым горжусь более всего.

Тибор извлек из кармана шкатулку резной кости, открыл ее и показал мне белесый порошок:

– Он избавляет от лихорадки, умиряет мигрень, снимает телесную боль, лечит суставы. Помнишь, на прошлой неделе мы назначили его Нуре. Она настроилась хандрить до вечера и обиделась, что я так скоро ее вылечил.

Я облегченно рассмеялся: как хорошо, что Тибор может судить Нуру со стороны, мне-то это не под силу.

Что до порошка, я припомнил, как однажды принес его Маме, страдавшей головными болями, и ей сразу полегчало.

Тибор поведал мне, как его открыл:

– Солнечным днем я мечтательно сидел на берегу ручья,

прислонившись к иве, этому странному одинокому дереву, которое избегает лесов и предпочитает пустоты, речные старицы, окраины болот и сырые низины. Я плотно поел, впал в полудрему, и Духи меня окликнули. «Мы пребываем в сердцевине ствола, – повторяли они. – Мы живем под корой, в единственной части дерева, которая не плачет». И верно, мягкие, безвольные ветви плакали; листья плакали тонкими серебристыми слезами; ива изливала свою печаль в озеро, и один лишь ствол был непреклонен и прям. Духи настаивали: «Там наша мощь. Ствол не знает страдания и удерживает крону от гибели». Я повернулся к стволу, поскоблил кору и приготовил этот порошок. Он горек, но что поделать; в небольших дозах – я двигался на ощупь – он приносит облегчение. Духи указали мне, что в груди плакучей ивы есть вещество, которое осушит слезы страждущего⁴.

---

⁴ Тысячелетиями я использовал порошок Тибора и всегда носил его с собой. В Средние века врачи перестали им пользоваться – надо думать, из-за сильных желудочных болей, которые он иногда вызывал. В 1750 году я был в Англии, и у меня вышла досадная заминка: дилижанс, везший меня в Чиппинг-Нортон, увяз в грязи, и пассажирам пришлось ждать на обочине дороги. Один из них, краснощекий плотный господин, поведал мне свои заботы. По английской провинции распространялась лихорадка, истязавшая не только детей и женщин, но и жизнерадостных здоровяков. Этот преподобный отец, человек острого ума и житейской сметки, склада не только научного, но и практического, неустанно стремился облегчить жизнь соотечественников. Он рассуждал в духе учения о сигнатурах – согласно этой доктрине, лекарство от болезни следует искать неподалеку от ее причин. Пока он говорил мне о своих неудачных опытах, мы шли вдоль пруда, и я указал ему на заросли ивняка: «Коль скоро лихорадка распространяется в местностях влажных и болотистых, то в них же кроется и врачевание сего

Я полюбил бродить с Тибором по тропинкам, полям и лесам; я учился внимать Природе, мечтать с открытыми глазами и с закрытыми. Многое можно обнаружить и снаружи себя, и внутри. Духи проникают всюду.

Благодаря нашим примочкам, отварам и настоям Нура выздоравливала. Иногда она сопровождала нас. Поначалу мне казалось, что она интересуется отцовскими занятиями, но она склонялась к земле, к цветам и травам совсем не за

недуга, ваше преподобие. Какое же из растений выживает в них с легкостью?» Он устремил взор за моим указательным пальцем и увидел плакучие ивы. Я подвел его к самому крупному дереву, погрузил палец в одну из небольших щелей, коих множество бороздило кору, и пососал его: «Не сей ли горький древесный сок защищает иву от болезней, кои она могла нажить, стоя ногами в холодной воде?» Преподобный отец тоже сунул мизинец в щель, лизнул его, сорвал листок, пожевал, сморщился. «Почему бы и нет? Горечь его напоминает мне порошок иезуитов, ту перуанскую траву, что укрощает лихорадку. Мы здесь можем разжиться ею, лишь прибегая к услугам контрабандистов: иезуиты с англиканской церковью не в ладах... Спасибо, друг мой, попробую двигаться предложенным вами путем». 25 апреля 1763 года Эдвард Стоун представил графу Макклсфилду, президенту Королевского медицинского общества, рапорт об эффективном лечении лихорадки ивовой корой – высушенной в мешке, положенном возле хлебопечной печи, и измельченной в порошок, – которую он назначал пятидесяти страждущим. Позднее итальянский фармацевт выделил действующее вещество, содержащееся в коре, «салицин», затем французский фармацевт получил из него растворимые кристаллы, «салицилин». Наконец в 1899 году химик из Рейнской Пруссии, Феликс Хоффманн, пытаясь вылечить своего отца, страдавшего ревматизмом и бывшего не в состоянии глотать этот препарат, получил чистую ацетилсалициловую кислоту. Лаборатория красителей, где он работал, подала заявку не на патент – поскольку французы опередили Хоффманна, – но на торговую марку, разрешавшую коммерческое использование: «Аспирин». Таким образом «Байер» стал гигантом фармацевтической промышленности и единственным до 1919 года мировым поставщиком аспирина.

этим: она искала ароматы для изготовления благовоний. Тибора это печалило: ему хотелось, чтобы дочь вместе с ним изучала целебные свойства растений. Я притворялся ее сообщником, чтобы больше с ней сблизиться.

Увы, она интересовалась моим мнением лишь для того, чтобы меня унижить. Как и с одеждой, она объявила, что я ничего в ароматах не смыслю и не отличу запах жимолости от вони скунса. Хотя это было полной чушью, я не возражал; если кто-то отваживался доказывать Нуре, что она не права, ею овладевал страшный гнев, она делалась больной, съезжалась и неделю никого к себе не подпускала.

Так или иначе, появление этих пришельцев меня взбудоражило. Ничто прежде меня так не занимало, как их общество, хоть Нура то и дело дулась, а Тибор, случалось, бледнел и обмякал передо мной с отсутствующим взглядом, жуя какую-нибудь сильнодействующую траву, которую не позволял пробовать мне.

Вечером я возвращался к Мине, которая оправилась после возобновления нашей близости. Когда она не была беременна, я чувствовал по ее глазам и по дрожи, с которой она меня впускала, что все ее тело жаждет новой беременности.

Каждый вечер после ужина мы уходили к себе и закрывались. Мы совокуплялись, и, едва я кончал, она в изнеможении откидывалась на спину и благодарно на меня смотрела. Я ложился на бок, глядя на нее с животной радостью. Потом Мина устремляла взор в потолок и машинально накручива-

ла на палец прядь волос, — я помню эту ее привычку с детства. Засыпая, я спрашивал себя: неужели Нура после любви с мужчиной позволяет себе такие подростковые глупости?

Разумеется, нет...

* * *

— Почему ты никогда не улыбаешься?

Нура излучала свет, притягивала взоры, но в отличие от других женщин никогда не шурилась и не растягивала в улыбке губы.

— Если бы я была уродиной, то улыбалась бы.

Тогда ее незамедлительный ответ меня шокировал, но спустя несколько дней я понял, что она была права: некоторые лица без улыбки тусклы; красивым она не требуется. Мина улыбалась часто, и тогда ее черты приходили в гармонию, делались приветливыми. Нуре довольно было появиться.

А мой отец ходил хмурым. Стычки с Охотниками-грабителями становились чаще и ожесточенней: трое наших воинов были убиты, один старик избит до полусмерти, несколько женщин и детей ранены, пять амбаров с зерном разграблены, бык изрублен на куски, муфлоны и козы угнаны.

— Их набеги учащаются зимой, когда Охотники начнут голодать. Наша добрая слава нам вредит: грабители устремляются прямиком к нам, ведь они знают, что мы живем в до-

статке.

Чем больше мы богатели, тем тревожней становился отец. Однажды утром, сидя под Липой справедливости, он уже не скрывал своего гнева:

– Наше процветание превращает нас в мишень для разбойников. Мне придется забрать с полевых работ еще нескольких крестьян и определить их в боевой отряд.

Он ударил себя по лбу и посмотрел на Озеро:

– Ах, если бы только это...

Он замолчал на полуслове. Я подошел к нему:

– Но что? Что еще?

– Нет, ничего.

Я коснулся его руки и почувствовал, как она холодна и как сам отец напряжен.

– Отец, я не понимаю: ведь все нормально, ты вооружаешь нас против грядущей опасности, но ты встревожен чем-то еще.

Он задумчиво на меня посмотрел:

– Не знаю, можно ли говорить с тобой об этом, Ноам.

– Скажи.

– Моя роль вождя означает ответственность за людей.

– Однажды твой сын тебя сменит.

Он сразу обмяк.

– Готовься. Нам нужно предпринять вылазку. Я должен кое-что проверить, прежде чем передать тебе дела.

Когда я сказал Тибору, что нам предстоит поход, он захотел присоединиться, чтобы собрать незнакомых трав, цветов и плодов. Мой отец не возражал.

Прежде чем отправиться в путь, Панноам зашел к своему молочному брату, гончару Дандару, который много потрудился для процветания деревни, да и сам преуспел. Каждый год он расширял мастерскую, ладил и усовершенствовал инструмент, добавлял к дому пристройки; обзаведясь тремя женами и пятнадцатью детишками, он нуждался во все новых помещениях и все большем достатке... Сыновья становились его подмастерьями: один месил глину, другой носил воду, третий разводил огонь, четвертый лепил посуду, а пятый ее расписывал. Ежедневно из стен мастерской выходили десятки глиняных блюд, горшков и амфор.

Когда-то Дандар много бродил по округе в поисках пригодной горшечной глины, а потому сделался человеком знающим. Он объяснил отцу дорогу к Скале Камнетесов, куда отец хотел добраться.

– Что ему там надо? – спросил я у Дандара, пока отец беседовал с его сыновьями.

– Да я ни шиша об этом не знаю. Твой отец хочет туда попасть, а больше он не сказал ни слова.

Мне нравилось бывать у Дандара; покупатели, жены и дети горшечника день-деньской сновали туда-сюда и перекликались, и оживление в доме не угасало.

Тем вечером отец вышел от него довольный, но утомлен-

ный. Он поднял брови и вздохнул:

– Ох, я оглох бы, будь у меня три жены!

– А Дандар вроде бы доволен жизнью.

– Да, так оно и есть. Он хотел, чтобы жизнь вокруг него была ключом, так и вышло!

– Три жены...

– В домах, где много женщин, то и дело случаются заговоздки. У Дандара иначе, потому что его жены – родные сестры. Он женился на старшей. Вторая вышла за его брата, но тот погиб во время стычки с Охотниками, и Дандар в память о брате и ради будущего племянников взял в жены и ее. А когда заневестилась и третья, сестры присоветовали ее своему мужу. И не зря.

– Неужто они из ревности не таскают друг дружку за волосы?

– А ты знаком с такими сестричками, которые обходятся без ревности?

Мы рассмеялись: мои-то сестры тузили друг дружку без конца. Панноам почесал ухо.

– Эти три сестры в детстве не знали соперничества, ну а нам с твоей матерью наладить такое согласие не удалось... Три жены Дандара уважают и мужа, и друг друга. Исключительное единство.

– А ты, отец, никогда не думал завести вторую жену?

– Ну разве ты не видел, как твоя мать выходит на тропу войны, стоит мне приласкать собаку? Представь себе, что бу-

дет, если я прикоснусь к женщине...

И мы еще долго пересмеивались.

В день отправления я зашел за Тибором; он изрядно раздулся, набив карманы плаща необходимыми вещами. Нура – очень бледная, сиреневые губы, тонкие дрожащие ноздри – проводила отца до дверей, обнялась с ним, подошла ко мне: – Верни его мне. Я очень на тебя надеюсь.

Я был потрясен тем, что она выказывает мне такое доверие.

– Можешь на меня рассчитывать, Нура. Я готов погибнуть, но никому не позволю посягнуть на жизнь Тибора.

– Спасибо. Но я предпочла бы, чтобы и ты вернулся живым.

На глазах ее блеснули слезы. Она заторопилась в дом, обернулась и издали нам помахала.

Панноам кликнул собачью свору и собрал отряд из троих носильщиков и семи воинов. По дороге я спросил у отца, зачем нам такая серьезная экипировка. Он, нахмурившись, ответил:

– Я пытаюсь уравновесить тот риск, которому мы подвергаем деревню, Ноам.

– Какой риск?

– Мы очень рискуем, отправляясь с тобой в поход: нынешний вождь и будущий бок о бок идут в неизвестность, отдавшись на милость Охотников. Если они нас атакуют, деревня

потеряет обоих вождей.

Ночевали мы под открытым небом; отец тщательно выбирал место посреди луговины, которая хорошо просматривалась, чтобы можно было в случае опасности убежать. Воины посменно охраняли лагерь, собаки тоже были настороже.

Пока что нас пытались атаковать только полчища комаров, звеневших в зарослях тростника, но Тибор развешивал вокруг лагеря пучки травы, и комары отступали.

Разминая в руках эти овальные листики, я обнаружил, что они источают свежий аромат.

– Этот запах отгоняет комаров, – пояснил Тибор.

– Но он приятный.

– У вас с комарами разные вкусы.

– Как ты обнаружил свойства этих растений?

– Пчелы обожают этот запах. Если натереть соком ветку, они готовы на ней роиться. Однажды, предаваясь мечтам, я услышал рассуждения Духов: «Что для пчел хорошо, то комарам погибель». Поскольку Духи предназначили это растение создательницам меда, вполне возможно, что они вложили в него нечто, отвращающее кровососов. Мне оставалось лишь проверить.

Утром мы с ним набрали на поляне пчелиной травы⁵ и уложили ее до вечера в мешок. Но некоторых комары все же укусили, и Тибор облегчал страдальцам зуд, прикладывая к воспаленной коже вытяжку мирта.

---

⁵ Мелисса.

Через неделю пути мы увидели нашу цель – Скалу Камнетесов.

По мере приближения Панноам объяснял нам, в чем уникальность этого места. Тут были голые скалы. Вода лизала гигантские бурые нагромождения камней, которые тянулись вдаль от берега и не позволяли, за отсутствием плодородного слоя, вырасти ни былинке, ни цветку. Камень отринул все живое.

– Когда-то здесь жили люди. Вдоль выдолбленной ими тропы они устроили пещеры, следы которых сохранились до сих пор. Сегодня здесь не живет никто.

Мы подошли ближе и убедились, что сведения Панноама верны. Между расселинами, выступами и отрогами была проложена тропа, достаточно широкая для путника или мула; она была ограничена обрывом с одной стороны и отвесной стеной – с другой. Я был поражен трудоемкостью этой работы. Пусть тропа пролежала с учетом выступов и выемок рельефа, и все же сколько лет ушло на ее постройку? Сколько рабочих дробили камень? Где они черпали силы, терпение и пыл?

На этом суровом берегу мы устроили привал. Воздух был так чист, что казалось, будто он вовсе исчез, и я удивился, как может парить над нами хищная птица, опираясь крыльями на эту бесплотность. Носильщики и воины расположились отдохнуть и подкрепиться, а я спросил у отца:

– Мы шли неделю, чтобы прийти сюда?

– Да.

– Что тебя беспокоит?

Я обернулся к Тибору; на его лице тоже было сомнение.

Панноам встал:

– Мне нужны подтверждения. Сейчас я опираюсь на рассказы путников и пытаюсь связать обрывки этих рассказов, так вот, путники либо ошибаются, либо похваляются.

И он жестом пригласил нас следовать за ним. Тропа была усеяна камнями, и нам приходилось тщательно выбирать, куда ставить ногу; отец то огибал выступы, то углублялся в узкие расселины. Наконец камни расступились, и мы вышли на берег.

– Вы обратили внимание на то место, где тропа подходит к Озеру?

Мы склонились над прозрачными волнами; под ними отчетливо виднелось продолжение тропы.

– Видите, она идет дальше.

Панноам вошел в воду и стал спускаться.

– Ступеньки!

Первые ступени были видны, следующие исчезали в озерной глубине. Он продолжал спуск, потом протянул руку, когда его голова ушла под воду.

– Не странное ли занятие, высекать ступени под водой?!

– Полная глупость! – воскликнул я. – Никому не нужно, а ведь какой тяжелый труд!

– Согласен с тобой, Ноам! И зачем наши предки затеяли

это бессмысленное трудоемкое предприятие?

– Глупцы...

Панноам посмотрел на меня, не скрывая разочарования:

– Приписывая глупость людям, чьих намерений ты не понимаешь, ты заявляешь о собственной глупости.

Я постарался не разозлиться.

Он указал над водяной гладью дальний берег, розовый в лучах заходящего солнца:

– Следующий знак находится вон там. Пять дней пути.

Согласно его сведениям, мы находились на узком конце Озера; двигаясь вдоль крутого берега, мы окажемся у того, дальнего берега напротив.

Я пожалел, что у нас нет пирога.

– А что изменилось бы? – возразил Тибор. – Пирога следует вдоль береговой линии и ползет медленнее пешехода.

– Пирога могла бы доставить нас прямиком на место.

– Вовсе нет! На глубине они становятся непослушными. Если бы на них можно было пересечь Озеро, чужаки приставали бы к нашему берегу. Опасность грозила бы отовсюду! Нам приходилось бы расставлять наблюдательные посты не только со стороны суши, но и с воды. Но ведь обычно мы не подвергаемся нападениям с воды.

Панноам пристально посмотрел на него и эхом повторил:

– Обычно...

Лицо его омрачилось тревогой. О чем он думал?

Через пять дней трудного перехода – скалы, заросли ежевики, осыпи и снова ежевичник – мы очутились на берегу, полностью лишенном растительности; он высился напротив того, что мы покинули.

– Поищем дорогу.

– Какую дорогу?

– Не ту, что бежит вдоль берега, а ту, что из воды выходит.

Не успел Панноам произнести эти слова, как Тибор воскликнул:

– Вот она! Вот!

Мы поспешили к нему. Он обнаружил вырубленную тропу, спускавшуюся с высоты и уходившую под воду.

Отец тотчас прыгнул в темную воду и, осторожно перемещаясь, пытался на ощупь отыскать вырубленные в камне ступени.

– Да, нашел. Ступени.

– Невероятно! – возбужденно прошептал Тибор. – Как и на противоположном берегу.

– Что же получается? – удивился я. – Здесь древние люди проделали такую же работу? И зачем?

Панноам посмотрел на меня:

– Давайте подумаем. Никто не станет рубить камень под водой, тем более на такой глубине, где ничего не видно. Лестница спускается глубже моего роста, а я довольно рослый.

Мы помогли ему выбраться на берег. Он в изнеможении лег на камни:

– Случилось то, чего я опасался.

– Ах, отец! О чем ты тревожишься? По эту сторону Озера жили такие же балбесы, что и по ту.

Панноам посмотрел себе под ноги и сквозь зубы проговорил:

– Начнем с того, что они не были балбесами. И потом, это не другой народ: здесь жили те же люди.

– То есть?

– Берегов не было.

– То есть?

– И Озера не было.

– То есть?

Панноам поднялся с земли и посерьезнел:

– Дорога, вырубленная в камнях, начиналась там, в нескольких днях пути, и кончалась здесь. Путь пролегал по суше. Здесь было не Озеро, а каменистая долина. Затем потоки воды перекрыли проход. Некоторые из наших сельчан в такое не верят... Но береговая линия меняется. То, что мы видим сегодня, – это не начало, а продолжение.

– О чем ты, отец?

– Вода продолжает подыматься.

У него перехватило дыхание, веки задрожали. Я испугался, что он потеряет сознание; но он стоял, устремив взор в озерную даль. Потом прошептал:

– Если вода продолжит подыматься, то до каких пор?

И в тот миг мне стала понятна отцовская тревога.

Когда мы вернулись, сельчане встретили нас как героев. Дети радостно бежали нам навстречу, женщины восторженно кричали, мужчины выстукивали своим рабочим инструментом приветственные ритмы, потом все выстроились в живую цепь до самого дома Панноама и хлопали в ладоши.

Но что же столь необыкновенное нам удалось сделать? Мы с отцом возвращались с неразрешенной загадкой, Тибор – с тремя мешками образцов; ничего впечатляющего, что имело бы мгновенные последствия...

Сельчане пережили несколько атак Охотников, одиночек и банд; и вот, измученные и обеспокоенные, они радовались возвращению семи воинов и вождя. Едва завидев Панноама, они возликовали: он был воплощением успеха, опорой и защитой нашего деревенского сообщества, и его отлучка всех растревожила. Я шел вслед за отцом, открывавшим наш кортеж, и сознавал, что для меня будет серьезным испытанием наследовать ему, когда придет время.

Мина была мне несказанно рада – она прильнула ко мне, потом потчевала изысканными лакомствами: хлебом с лесными орешками, испеченным на раскаленных камнях, и отваром шиповника. Я поведал ей несколько эпизодов из нашего странствия, она выслушала их, не проронив ни слова; она покачивала головой и едва следила за моим расска-

зом, с нетерпением ожидая, когда мы уляжемся на циновке и еще раз попробуем сделать ребеночка. После трехнедельного воздержания я охотно на это согласился.

На следующий день Нура совсем иначе слушала мой рассказ: требовала все новых подробностей, живо на них реагировала, спорила, засыпала меня вопросами, возвращалась назад, бросалась вперед и даже выудила из меня сведения, разглашать которые мне было не велено. Если мой рассказ Мине был коротким вымученным монологом, который то и дело прерывался ее потчеванием, то с Нурой у нас вышел бурный диалог, страстный, увлекательный, который растянулся на весь день, а к вечеру мы были измотаны и совсем ошалели от восторга.

Признаюсь, домой я тащился с неохотой, представляя себе, что меня ждет: Мина, ее покорность, тусклый взгляд, вялое томление, этот тоскливый ритуал. Если во время похода я осознал всю пресность своей супружеской жизни, то наша встреча лишь обострила этот недуг.

Я подступил к отцу с просьбой без промедления со мной поговорить.

– Здесь?

– Где хочешь, отец! Лишь бы с глазу на глаз.

Он машинально увлек меня под Липу справедливости. Потемневшие в сумерках окрестные холмы казались притаившимися зверями, готовыми к прыжку. Сизый туман затянул Озеро, над ним клочьями повисли облака. Нарушая ти-

шину, вдали заухал филин.

Я пустилсЯ с места в карьер:

– Отец, я хочу взять дочь Тибора второй женой.

Он вытаращил глаза. Озабоченный подъемом воды, он не ожидал, что я заговорю о домашних делах. Он смерил меня снисходительным взглядом, недовольный, что я так некстати отвлекаю его от насущных дел.

– Зачем тебе вторая жена?

– Ты знаешь, отец.

– Я?

– Хотя и не желаешь об этом говорить.

– Не пойму, о чем ты.

– Мина не может родить здорового ребенка.

Враждебность отца исчезла. Плечи его поникли, он обмяк. Я задел больную тему.

– Спасибо, отец, что ты никогда не упрекаешь меня в этом. Но Мама все время придирается к Мине. Она ее ненавидит.

– Я знаю.

– Она поносит ее, и не напрасно: Мина не может дать нам наследника. Что толку, отец, в моем усердии перенять твой опыт, если я не смогу передать его дальше? Что толку нам с тобой достойно возглавлять деревню, если наш род вскоре заглохнет? Дух нашей деревни не одобрил бы этого!

Отец ушел в свои мысли. Я полагал, что он обдумывает мои слова. Потом решился задать мне вопрос:

– А вы с Миной делаете все, что полагается?

– Каждый вечер.

– Хорошо...

– Я стараюсь как могу, Мина беременеет, но ее дети рождаются нежизнеспособными.

Я не моргнув сказал «ее дети» вместо «наши дети», настолько был уверен, что причина их ущербности лишь в ней одной. Отец положил мне руку на колено:

– Я чувствую свою вину, Ноам. Мой выбор оказался неудачным. Я удовольствовался тем, что ее отец был вождем третьей деревни в сторону заходящего солнца, и не убедился в силе их крови. Я рассуждал как вождь, но не как отец.

– Твое рассуждение безупречно. Я не собираюсь оттолкнуть Мину, но хочу лишь взять вторую жену, которая продолжит наш род и даст тебе здоровых внуков.

– Но почему дочь Тибора?

Я молчал, не зная, с чего начать, – Нура обладала множеством достоинств. Пока я подбирал слова, отец продолжил:

– Выбор недурной... Целитель не последний человек в деревне. Этим союзом мы сможем удержать его у нас. Ведь Тибор очень привязан к дочери, да?

– Он ее обожает.

– Отлично.

Полагая, что он одобряет мой выбор, я встал; ноги едва меня держали.

– Так ты согласен?

Панноам властным жестом снова усадил меня:

– Я дам тебе ответ через несколько дней, Ноам.

– Почему?

– Мне нужно подумать.

– Но о чем?

– С Миной я поторопился. Не хочу повторить ошибку.

– Но...

– И еще я опасаюсь многоженства.

– Но твой молочный брат...

– Дандар не в счет, он – исключение. Я ведь разбираю тут, под Липой, тяжбы и составил себе невысокое мнение о домах, в которых много жен. Либо жены объявляют войну мужу, либо муж с ними обращается дурно, либо жены грызутся меж собой, а то еще их грызня сказывается на детях. В гадючьем гнезде и то спокойней.

– Но...

– Нет! Не трать напрасно слов и пощади мои уши. Через несколько дней ты узнаешь мое решение.

Он велел мне молчать. Я повиновался. Сгорая от нетерпения, я искал средства ускорить его приговор.

– Может, ты с ней встретишься?

– С кем?

– С Нурой.

Я не сомневался, что, присмотревшись к ней, оценив ее красоту и живость ее ума, отец быстрее придет к нужному мне решению. Он рассеянно переспросил:

– С Нурой?

– С дочерью Тибора.

Я обомлел. Мне даже в голову не приходило, что он может так мало замечать хорошенькую девушку... Он что, деревянный, что ли? Ведь довольно однажды увидеть Нуру, чтобы запомнить ее навсегда, если не влюбиться без памяти!

Он взглянул на меня с состраданием:

– Незачем. Это никак не повлияет на мое решение. Скоро я тебе его объявлю.

И он вернулся к своим делам.

Этим вечером я уклонился от возни с Миной на нашей супружеской циновке, но маячивший образ Нуры лишил меня сна, и я то ликовал, то отчаивался, не ведая, что меня ждет; в голове моей мельтешили противоречивые мысли, радость и горе непрестанно сменяли друг друга.

Как медленно светало...

Я вскочил на ноги, меня раздирали противоречия. Мне хотелось бежать к Нуре и рассказать ей о своей просьбе, и я с трудом от этого удержался. Нет, сначала должен узнать Тибор: браки зависят от родителей. Но если Панноам откажет, Нура поднимет меня на смех, она ведь бывает жестокой – да, если Панноам откажет, я буду выглядеть пустобрехом, мальчишкой, а не мужчиной, Нура будет меня презирать... Впервые отеческая власть оказалась для меня тяжким грузом – для меня, преданного сына, боготворившего своего отца.

И я, сказавшись занятым, стал избегать встреч с Нурой.

Чтобы оправдать свое криводушие, я взялся рассеянно колоть дрова. Едва солнце начало спускаться, я заметил Тибора с дочерью, которые шли тропинкой неподалеку. Они помахали мне рукой. Я как был с топором в руках, так не раздумывая к ним и бросился.

Они были возбуждены каждый своими находками: Тибор обнаружил еще не изученный им рыжий папоротник, а Нура отыскала бледно-желтые яблочки с чарующим ароматом. Она так и сияла.

Тибор немного отошел, чтобы сорвать под дубом гриб, и я сказал Нуре дрожащим голосом:

– Я вчера говорил с отцом.

Она рассмеялась:

– И как же ты это делаешь? Ты ржешь? Лаешь? Блеешь?

– Не смейся, Нура. Я говорил о тебе.

Она перестала хохотать.

– Обо мне?

– Да.

Она внимательно и напряженно посмотрела на меня:

– И что ты ему сказал?

– Я...

– Да?

Я готов был проболтаться, как вдруг раздался душераздирающий крик. Неудержимо и яростно залаяли собаки. Кроны деревьев скрывали от нас участников отчаянной битвы.

Я вздрогнул. Я мигом почувствовал, что происходит.

С топором наперевес я бросился на крики.

Когда я выбежал на поляну, я различил вдалеке простертую на земле фигуру отца; вокруг метались собаки, пытаюсь защитить его от пятерых Охотников; те были вооружены дубинами и нагрянули, чтобы выкрасть наших муфлонов.

Охотники убивали собак одну за другой и уже подступали к отцу.

– Ко мне! – завопил я. – Ко мне! На помощь!

Я мчался со всех ног. Отовсюду сбегались крестьяне, кто с палкой-копалкой, кто с мотыгой, кто с дубьем, но все мы были далеко и не могли успеть вовремя...

Я стал свидетелем ужасающей сцены.

Охотники, перепрыгивая через собачьи трупы, приближались к моему отцу; он, израненный и истекающий кровью, из последних сил потрясал колом; один Охотник выдернул у него из рук оружие, чтобы прикончить.

– Нет! – взревел я.

Кол уже падал на моего отца, и тут откуда-то выдвинулась громада, толкнула Охотника и ударом топора отсекла ему голову. Четверо его сообщников обернулись и увидели великана. Они непроизвольно заняли атакующую позицию, но великан быстро расправился и с ними.

Пять трупов!

Пять взмахов топора и пять трупов...

Великан увидел, что мы приближаемся, и длинными прыжками, едва касаясь земли, удрал в лес.

Я подбежал к отцу первым; он лежал, истекая кровью среди мертвых врагов и собак. Отец сжимал колено, скорчившись от боли, не мог выговорить ни слова и еле дышал, с остекленевшим взглядом уйдя в свое страдание. Я наклонился к нему, запыхавшаяся и обезумевшая Мама тоже подскочила к нам и рухнула на землю:

– Панноам!

Она опустила глаза и взвыла: искореженная ударом дубины, ступня отца была сломана, а голень раздроблена. Бедро было вывихнуто.

Отец закрыл глаза. Голова его скатилась набок. Он с трудом выдохнул воздух.

Мама потрясла его за плечи:

– Он умер...

Я пошатнулся, едва не теряя сознание.

Запыхавшиеся сельчане окружили нас. Тибор сел на корточки, пощупал запястье отца, наклонился к его носу, приложил ухо к груди.

– Он не умер.

Мама с трудом выговорила:

– Но сейчас умрет?

– От потери крови или заражения, из-за раны.

Мама в отчаянии повторяла:

– Панноам сейчас умрет!

Тибор схватил ее за руку:

– Умрет, если я не отрежу ему ногу.

– Что?

– Ты согласна?

– Да.

Тибор повернулся ко мне:

– А ты, Ноам?

Я ответил согласием, как и моя мать. Тибор мигом отодрал один из своих огромных карманов, стянул тканью отцову ногу выше колена, чтобы остановить кровь, искал глазами Нуру. Белее мрамора, она стояла у него за спиной и неотрывно следила за его действиями; он ей сказал:

– Сейчас мы его прооперируем.

Я поднял голову, и мне показалось, что вдали мелькнул силуэт великана. Кто это был? Кто спас моего отца? Почему один из Охотников пощадил Озерного жителя? И почему этот исполин избегал всех – и нас, и себе подобных?

Почувствовал ли он мой взгляд? Он исчез.

* * *

Мы осторожно положили тело на каменный стол, устроенный Тибором в глубине его жилища. Отец уже не реагировал на происходящее, но дышал.

Тибор обернулся к сельчанам, сгрудившимся в доме и за его дверями:

– Панноам потерял сознание. Когда я начну резать, боль разбудит его. Мне нужны четыре человека, чтобы удержи-

вать его, если он будет биться.

Четверо выступили вперед.

— Пусть остальные уйдут!

Я попросил сестер увести мать. Комната опустела.

Тибор скомандовал:

— По одному на каждую руку и ногу. Кто со стороны ра-
ненной ноги, пусть держит бедро, выше колена.

Все выполнили его указания.

Тибор взял меня за руку, отвел к деревянному сундуку,
сел на корточки и шепнул мне на ухо:

— Поручаю тебе важное дело, Ноам. Постарайся, чтобы он
проглотил напиток, в котором ты растворишь этот порошок.

Он показал мне флакон, который я узнал.

— Это порошок, который ты употребляешь иногда по ве-
черам? Заступничество?

— Да.

— И который ты запрещал пробовать мне?

— Запрещал для твоего блага.

— Для моего блага? И просишь, чтобы я скормил его отцу?

Я непроизвольно повысил голос. Он велел говорить тише.

— Видишь ли, Ноам. Порошок, конечно, приносит облег-
чение, но ты уже не сможешь без него обходиться.

— Даже усилием воли?

— Порошок разъедает твою волю. Он навязывает тебе
необходимость принимать его снова и снова. Ты хочешь счи-
тать себя его хозяином, но становишься его слугой. Остере-

гайся этой ловушки, в которую я попал много лет тому назад.

– А мой отец?

– Одна доза не приведет к зависимости. К тому же у нас нет выбора.

– Что это?

– Конопля⁶.

Он схватил коробочку с коричневым порошком:

– А здесь мак. Ты набьешь его в мокрую тряпицу и, как только отец застонет, приложишь к носу. Но не задуши его. Ясно?

На лбу у него выступил пот. Он резко обернулся к Нуре:

– А ты помнишь свою обязанность? Что ты делала для своих братьев... Ты подаешь мне инструменты и держишь их в воздухе, пока я ими не работаю, и никуда их не кладешь. Ясно?

Нура кивнула, уже сосредоточившись на своей роли.

Я почти ничего не запомнил о ходе операции, потому что то и дело, чувствуя, как подступает дурнота, я отворачивался.

Едва блестящий каменный инструмент вторгся в живую плоть, отец пришел в сознание. Он взревел. Четверым мужчинам едва хватило сил удержать его на столе. Маковые примочки принесли ему лишь временное облегчение, а Тибор так долго разрезал сухожилия, рассекал мускулы, шлифовал осколок кости и зашивал рану, что отец снова закричал от

---

⁶ Каннабис.

нестерпимой боли.

Мама то и дело вбегала в дом, думая, что отец испускает последний крик, и всякий раз Нура спокойно и властно останавливала ее, успокаивала и выпроваживала.

Закончив операцию, Тибор обработал шов мазью и наложил травы, чтобы предупредить воспаление и ускорить рубцевание.

– Готово! Оставьте его здесь под моей опекой. Я буду облегчать обострения.

Мы выходили из дома целителя, покачиваясь от усталости; Нура, как всегда подтянутая и уверенная, хоть и утомленная, подносила каждому кружку воды. Когда она поила меня, в ее глазах вспыхнул вопрос: так что же я сказал о ней моему отцу?

Я был настолько измучен, что пообещал ответить ей позже. Она опустила голову и вернулась помогать Тибору.

Отец был в сознании, и Тибор применял обезболивающие средства с осторожностью: в высоких дозах ивовая кора язвила стенки желудка и мешала рубцеванию.

Панноам пролежал у Тибора неделю. Мы с матерью и сестрами навещали его каждый день. Нура неотлучно дежурила у его изголовья, проявляя поразительное терпение.

По мере того как отец приходил в себя, языки развязывались. Первое время люди помалкивали, но теперь стали вспоминать о загадочном великане-спасителе. Сельчане расспрашивали друг друга, но никто его не знал. Кто-то утвер-

ждал, что прежде замечал его вдалеке; старики уверяли, что он с незапамятных времен бродил по окрестностям, его видели годы и даже десятки лет тому назад. Тайна множит домыслы, и одни говорили, что это Бог холмов пришел на помощь доброму человеку; другие не сомневались, что это Дух деревни явился ее защитить; моим сестрам казалось, что это предыдущий вождь, наш дед Каддур, вернулся для спасения своего потомства. Но даром что великан занимал наши умы, никто не торопился на его розыски, и даже я; мы верили, что он утрачивает человеческий облик, едва отпадает нужда вмешиваться в наши дела.

Мой отец привязался к Нуру. Он искал ее глазами, когда ему было плохо, когда хотел есть или пить, и благодарил, когда она за ним ухаживала.

– Как жаль, что Нура не интересуется растениями! – вздыхал Тибор. – Она лучше меня ухаживает за больным. У нее довольно и хладнокровия, и выносливости, и преданности делу, и приветливости, столь необходимых для успешного восстановления.

Отца перестало лихорадить, хотя боли его не отпускали; однажды он приподнялся на постели.

– Я тебе помогу, – сказал Тибор.

– У меня уже есть прекрасная помощница – твоя дочь.

Мы с Нурой переглянулись.

– Я о другой помощи, – продолжал Тибор. – Я заметил такое приспособление у целителя в одной дальней деревне.

Можно обтесать оленью кость по размеру твоей утраченной голени, прикрепить к бедру кожаными ремнями, и ты сможешь на нее опираться. Бегать ты не сможешь, будешь ходить, да и то с трудом, но на ногах удержишься. Как ты на это смотришь?

– Я доверяю тебе и последую твоему совету. Ты меня спас.

– Спасибо на добром слове. Посоветуюсь с лучшими резчиками насчет твоей новой ноги. Нет ничего прочнее, чем оленья голень.

Отец вернулся в дом. Тибор велел Нуре приходить к нам, чтобы менять повязки и чистить рану, и мои родители были этому очень рады. Хоть матушка моя и умела заботиться о детях, но Нурино опыта у нее не было; та годами наблюдала, как отец выхаживает больных и раненых, умела с ними быть и мягкой, и строгой. Я восхищенно наблюдал, как она покоряет моих родичей.

– Отец, кто был тот великан?

– Какой великан?

– Который перебил Охотников и спас тебя.

– Я тогда потерял сознание.

Я пересказал ему загадочную историю его спасения. Он угрюмо отвернулся:

– А ты уверен?

– Вся деревня подтвердит мою правоту.

– А что люди говорят?

– Что это Бог холмов. Или Дух нашей деревни.

– Что ж, возможно...

– Или Каддур, твой отец.

Его глаза сверкнули гневом.

– При чем тут Каддур?

– Не знаю. Почему бы и нет... Его призрак сошел на землю помочь тебе.

– Неужели? А что еще говорят?

– Хм... больше ничего.

Отец пожал плечами. Всякий раз, как я заговаривал о великане, он хмуро умолкал. Или самолюбие страдало оттого, что кто-то его спас, будь то Бог, Демон, Дух или призрак? А когда я спрашивал напрямую, он раздраженно твердил:

– Меня спас Тибор.

Потом добавлял:

– И его дочь.

Я ликовал. Обстоятельства складывались в пользу моего замысла. Отец поправлялся, и я начинал верить в будущее. Он наверняка согласится дать мне Нуру второй женой.

Все это время я едва удерживался от вопроса: «Ну так что?» Но терпел, чтобы не досаждать ему.

Как-то поутру принесли выточенную оленью кость. Тибор закрепил ее под коленом, и отец попытался встать. Нура его терпеливо поддерживала и подбадривала, такая маленькая и тоненькая рядом с ним, но готовая подхватить его, если он покачнется, и поднять, если упадет. Нура сгибалась, но не ломалась, подобно тростнику в непогоду. Этот образ меня

потряс: моя любимая спасала главного человека моей жизни. На глаза мне навернулись слезы. Как мне повезло знать этих двоих! И какое счастье, что они ценят друг друга! Будущее засияло радужными красками.

Когда занятие окончилось, Нура напоила отца.

– Отец, нам надо поговорить.

– О чем?

– О Нуре.

Нура вскинула голову, будто ужаленная.

Панноам поднял глаза и спокойно на меня посмотрел:

– Ты прав, пора поговорить. Я принял решение.

Я задрожал в ожидании неминуемого счастья.

– Я женюсь на Нуре, – объявил отец. – Она будет моей второй женой.

На меня уставился медведь.

Громадный бурый медведь в два раза выше меня, в три раза шире и в пять раз зловоннее. Его блестящий кожистый нос подергивался, пытаясь меня распознать. Он замер в нерешительности. Как ему быть? Кто перед ним? Враг? Друг? Если он опустит на меня лапу, мне конец.

Я в ужасе съежился. Меня прошиб холодный пот, во рту пересохло. Мне хотелось зарыться в землю. Меня убивала его близость, я ощущал его теплое дыхание, его враждебность, его пульсирующую мощь, укутанную меховой шубой. Черные бусины глаз, близко посаженных по сторонам длинной морды, запрещали мне шевелиться. Широко расставленные уши, прислушиваясь ко мне, подрагивали.

У меня перехватило дыхание; по рукам и ногам пробежала мелкая дрожь – значит я был еще жив.

Медведь распахнул пасть, на удивление нежно-розовую; челюсти – два ряда отменных зубов, острых клыков и добротных коренных; зверь испустил пронзительный рев. Но, как ни странно, этот рев не был ни злобным, ни грозным; он был сродни зевку и выражал, скорее всего, разочарование.

Медведь презрительно отвернулся, мягко опустил на четвереньки и, будто меня нет, побрел вразвалку своей дорогой. Но на краю поляны обернулся и вопросительно на ме-

ня посмотрел: «Ну что, идем?»

Плоский медвежий череп недвусмысленно давал понять, что с его хозяином не может быть торговли: либо подчиняешься, либо пощады не жди.

И я пошел за ним на почтительном расстоянии.

Убедившись, что я не своевольничаю и послушно за ним тащусь, он будто забыл про меня.

На берегу реки он напился воды, окунул голову, поморщился, почмокал, чихнул, плюнул и мечтательно уставился на бегущую воду. Вдруг его левая лапа вытянулась вперед, ткнулась в волну и махом извлекла из нее поддетого когтем вертлявого лосося, чешуя которого переливалась всеми цветами радуги. Кто бы подумал, что этот увалень проявит такое проворство? Медведь подбросил рыбину в воздух, проследил, как она взвилась над ним штопором, и поймал разинутой пастью. В три жевка размолот добычу и отправил в свое необъятное брюхо.

Насытившись, он пошел по мшистой тропинке вдоль берега, взобрался на груды камней и пропал из виду.

Что делать? Я растерялся. Я мог удрать, броситься в реку, улизнуть вплавь.

Вместо этого я медленно и опасно карабкался по камням вслед за вожатым; на вершине я увидел под ногами меж камней круглую дыру.

И не поверил глазам... Там, съезжившись, лежала узница, худенькая обнаженная женщина с тонкими запястьями и ло-

дыжками, ее светлые волосы водопадом струились по плечам, спине и груди. Медведь подступил к ней. Она встрепенулась, нежно на него взглянула, улыбнулась, раскинулась вальяжно, протянула руки, чтобы обнять косматую голову и прильнула губами к медвежьей пасти. Они слились в долгом поцелуе.

Объятия их были чувственными и похотливыми, потом медведь накрыл своей тушей хрупкую фигурку, а женщина не только терпела его, но и приглашала продолжать соитие. Они спарились.

Я с гадливостью отвернулся, не желая видеть их совокупления, когда сбоку от меня взвыла собака. Я крутанулся, чтобы заставить ее молчать, из-под ног выскочил камень, я пошатнулся... и проснулся.

Я был у себя дома.

За стеной скулила собака.

Рядом спала Мина.

Ночь.

Я сел. Что значил этот медведь?

Озадаченный, я снова улегся, думая о последнем эпизоде сна.

В то время мы придавали снам большое значение. Они служили для человека вмещищем непостижимого. Во сне нам являлись Боги, Духи, Демоны и Мертвецы. Днем между ними и нами стояла незыблемая преграда, а ночь распахи-вала двери, и в них устремлялись духовные сущности. Уши,

рот, веки и ноздри – все эти окна отворялись, и начиналось движение внутрь. Каждое сновидение связывало нас с миром, с силами Природы, с Душами. Сны раздвигали наши границы. Солнце ограничивало нас, а ночь открывала нам необъятное.

Во время нашей встречи медведь относился ко мне дружелюбно, советовал следовать за ним, показал, какие наслаждения меня ожидают: лакомства, любовь молодой женщины. Какой же урок мне следует извлечь?

Утром я проглотил кашу, сваренную Миной. Глаза ее сверкали, она приплясывала, посмеивалась, напевала. Уже несколько дней она была по-детски оживлена, а я делал вид, что не замечаю. Она старалась поймать мой взгляд, завладеть моим вниманием. Разве она не понимала, как раздражает меня? Она была частью моего прошлого, но не настоящего. С тех пор как меня покорила Нура, я едва терпел Мину, видел заурядность ее форм, невзрачность ее удивленного личика, никчемность ее разговоров, тусклость ее ума. Теперь, когда я лишился надежды получить вторую жену, первая приводила меня в отчаяние.

Первая и единственная...

Я торопливо вышел из дома.

– Ноам, я должна тебе кое-что сказать, – крикнула она от дверей.

– Потом!

Мысли Мины интересовали меня меньше всего на свете.

Озабоченный разгадкой сна, я хотел отыскать Тибора на лесной тропе, где он нередко собирал травы.

Утреннее небо было усеяно мирными легкими розово-голубыми облачками, а лес стоял плотной темно-зеленой стеной. Запахи, свет и птичье пение – все лениво пробуждалось ото сна. Даже река будто не спешила набирать ход.

Из ежевичника вышел целитель, облаченный в свой необъятный плащ со множеством карманов, и тут же померчал, завидев меня:

– Мне очень жаль, Ноам. Но я ничем не могу помочь.

– О чем ты?

– Нура... Мне казалось...

– Что?

– Я был уверен, что вы с Нурой... то есть ты...

Я напрягся, сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

– Это не важно!

Тибор пробормотал:

– Я думал, что ты хочешь соединиться с Нурой.

– У меня есть жена.

– У твоего отца тоже есть, но это его не останавливает.

– Мой отец – это мой отец. Вождь – это вождь.

Тибор внимательно на меня посмотрел и сказал:

– Прости меня, Ноам. Я вечно усложняю жизнь... Ты гораздо разумней меня.

Я хмуро кивнул. Мне хотелось, чтобы он умилился моей покорности, чтобы вся деревня восхваляла мою угодли-

вость. Я повинуюсь отцу, чего бы он ни потребовал. Если я облеку свою горечь благородным самоотречением, если украшу ее добронравием, я сохраню лицо, останусь прежним Ноамом, избегу унижения и отчаяния. Иначе как мне вынести невыносимое?

Тибор стиснул мне запястье:

– Ты проявляешь великую мудрость, Ноам.

Да-да, великую мудрость! Я купался в своей добродетели, наслаждался своим героизмом, упивался своей жертвой. Величайшая мудрость...

Но другая часть моего «я» противилась. Я ненавидел отца за то, что он взял в жены Нуру, ненавидел Нуру за ее согласие, ненавидел Тибора за его покладистость, ненавидел Маму за ее покорность и себя ненавидел – за преданность отцу, за смирение, за малодушие, за проигрыш.

Мудрость... Да какая мудрость? Я проклинал свою мудрость. Она сводила меня с ума.

Я молча шел рядом с Тибором, стараясь успокоиться. Потом пересказал ему свой сон и попросил объяснить.

– А медведь тебе снится впервые?

– Нет.

– В жизни ты встречался с медведем?

– Часто. Видел его издалека. Не убегал, а любовался им...

Медведь восхищает меня. Мне никогда не приходило в голову, что он может напасть. Когда я был маленьким, Панноам бранил меня за это безрассудство.

– Объяснение очевидно: медведь – твое тотемное животное.

– Вовсе нет! Тотем нашей семьи – волк.

– Отцовский тотем, но не твой.

– Но у меня не может быть другого тотема!

Тибор остановился и крепко стиснул мое плечо:

– Не думай о себе лишь как о сыне своего отца. Ты – отдельный человек.

– Что это значит?

– Ноам и Панноам не одно и то же.

– Скажи яснее.

– Ноам – это не часть Панноама. Не кусок Панноама. Имя, данное тебе отцом, стало для тебя ловушкой.

– Ловушкой?

Я совершенно не понимал, на что Тибор намекает. Он вздохнул и сменил тему разговора:

– Если твой тотем – сильный одинокий медведь, ты обладаешь его свойствами⁷. Силу ты уже показал, вся деревня

---

⁷ Бесспорно, медведь казался нам царем зверей. Ни стая голодных волков, ни стадо свирепых кабанов не могли с ним сравниться. Ни один хищник не мог пошатнуть превосходство этого непобедимого великана, его смелость покоряла нас, его одиночество нас восхищало. Он царил в уединении, в стороне от своих подданных. Мы очень гордились теми немногими свойствами, которые нас с ним роднили. Подобно ему, мы умели сидеть, ходить на задних конечностях, лазать по деревьям, танцевать, плавать; подобно ему, при ходьбе мы опирались на землю всей ступней; подобно ему, мы питались и мясом, и растительной пищей. Если б мы обросли шерстью, нас и вовсе было бы не отличить! Говорили, что наше семя схоже с его семенем, наша плоть вкусом напоминает его мясо, – хотя

тому свидетелем: бегаешь ты быстро, плаваешь отлично, целишься хорошо, да и дерешься великолепно.

– Но одиночество? Разве я одинокий?

– А это для тебя новость. Медведь пришел к тебе ночью сообщить об этом – значит теперь тебе полезно это знать...

Я поник. Ведь верно, брак Нуры и моего отца так меня печалил, что делал одиноким.

Я посмотрел в глаза Тибору:

я не знал тех, кто убедился в этом сам. Медведя тогда не считали стопоходящим обжорой, глупым, тупым и ленивым. В этом злословии повинна Христианская церковь. Она методично подавляла огромное, тысячелетиями крепившееся уважение, почтение к медведю, в некоторых племенах доходившее до культа. Она стала охотиться на языческого медведя не только в лесах, но и в людских головах. Никто не имел права конкурировать с Богом единым. Как Церковь взялась за это? Для начала она водрузила на трон другого хищника. С Ближнего Востока христианство привело своего царя зверей – льва. Южный царь вытеснил царя северного. Льву можно было приписать любые достоинства, ведь это был зверь литературный, а не взятый из жизни: его не встречали ни в латинской Европе, ни в кельтской, ни в германской, ни в славянской, ни в скандинавской – разве что на Балканах. Чтобы оправдать эту подмену, духовенство твердило лишь о дурных свойствах медведя, о его слепой силе, медлительности, неповоротливости телесной и умственной, о его обжорстве, о его лени. Его даже трусом называли! Потом его низвели в ранг крупной дичи и усиленно истребляли. Потом его приручили и сделали посмешищем. Одинокий властитель унился до балаганного шута. Он стал пленником презираемых Церковью бродячих артистов; посаженный на цепь, в наморднике, он развлекал ярмарочную публику между выступлениями акробатов, фокусников и чревовещателей. Бедняга зарабатывал свой скудный хлеб, делая нехитрые трюки и косолапо пританцовывая под хозяйской плеткой. Для Озерного жителя видеть такое унижение было невыносимо. Я чувствовал себя почти так же униженным, как и он. Попирая его достоинство, оскорбляли и мои верования. Во всяком случае, не уважающий живое существо не уважает и меня.

– Но разве можно страдать от одиночества среди своих?

Он задумчиво проговорил:

– Таков удел человека, который думает сам.

По его затуманившемуся взгляду, по дрожи его голоса я понял, что он говорил не только обо мне, но и о себе.

Как он отличался от отца! Панноам состоял из решительности, распоряжений, поступков, а Тибору было свойственно задавать вопросы. В этот миг я почувствовал наше сходство.

– Твое животное тоже медведь, Тибор?

Он улыбнулся:

– Мое животное – сова, Ноам.

– Но ведь ты не бодрствуешь ночью!

– Сова причастна другим мирам, миру невидимого, миру Богов, Духов и Мертвых. Подобно сове, я ищу скрытое от многих, я снимаю покров видимого.

– Хороший у тебя тотем – сова! Он делает тебя счастливым, не то что одинокий медведь...

– Разве можно быть счастливым, лишившись иллюзий?

На этих словах Тибора мы расстались.

Я спустился к Озеру. Небо светлело. Деревня скрылась из виду и являлась мне своими шумами: мычаньем, квохтаньем, бляньем, а еще звуками, производимыми теской камня, забиванием свай, заточкой кремневых орудий, мукомольем, растиранием гончарной глины, глухим потрескиванием дубимых кож, а еще указаниями, которыми перебрасы-

вались ремесленники, детскими криками и женской болтовней.

Я дошел до главной улицы и направился к поляне, на которой мой отец вершил суд. Панноам сидел под Липой с представителями двух семей и разбирал дело о похищенной дичи.

Я смотрел на него со стороны, и меня мучили противоречивые чувства: я испытывал к нему свою обычную любовь, но руки чесались как следует ему всыпать. Мне виделся то прекрасный цельный человек, мягкий и милосердный, то калека со злобной гримасой. Где же истина? Как избавиться от дурного отца и оставить себе только хорошего?

Появилась Нура с высоко поднятой головой; заметила меня, убедилась, что Панноам еще занят, и устремилась ко мне. Ее нетерпеливые желто-зеленые глаза сияли от радости.

– Мои поздравления, Ноам!

Змеиный укус был бы мне приятней.

– О чем ты?

– Поздравляю!

Она лучезарно улыбалась, искренне и восхищенно. Я нахмурился, и она добавила:

– Какая добрая весть для вас с Миной!

Я был взбешен. Неужели она думает, что ее брак с моим отцом для меня добрая весть? Ну, для Мины безусловно... Но для меня?

Я смерил ее ледяным взглядом:

– Да как ты смеешь!

– Что ты хочешь сказать?

– Насмехаться надо мной!

Она не привыкла к моей резкости и забормотала:

– Ну как же... Ноам... не важно, кто... ты всегда говорил, что...

– Нура! Мне омерзительна эта ситуация! Не надо усугублять ее и смеяться надо мной. Даже если это тебя забавляет.

Она побледнела, надула губы и выпалила:

– Я не забавляюсь и не смеюсь! Я радуюсь, что Мина забеременела!

Я застыл с открытым ртом.

Она уточнила, думая, что я не расслышал:

– Я радуюсь, что вы ждете ребенка.

Видя мое удивление, она выпучила глаза, фыркнула, прыснула со смеху и прикрыла рот рукой:

– Как? Неужели ты не знаешь? – Она рассмеялась. – Ты не заметил?

Я покачал головой. Она продолжала смеяться от души, не скрывая веселости и оглядываясь по сторонам в надежде призвать кого-нибудь в свидетели.

– Да вся деревня знает, Ноам! У Мины уже месяца три как заметен животик... Ах, ты не больно внимательно смотришь на свою жену!

– Да я вообще никак на нее не смотрю!

Мой возглас прозвенел посреди деревни. По счастью, по-

близости никого не было; только отец повернул в мою сторону голову, но разделявшее нас расстояние помешало ему расслышать мои слова.

Мне стало стыдно – не столько за сказанное, сколько за мою несдержанность.

Нура смотрела на меня. Моя горячность сбила ее с шутивого тона. Некоторое время мы молчали. Потом она кивнула на большой пенёк:

– Давай сядем.

Мы сели рядом; перед нами уходила в бесконечность озерная гладь, смешивая свою голубизну с небесной лазурью. Над нами пролетел утиный клин, непонятно куда и зачем. Под Липой справедливости отец разбирал уже другую жалобу сельчан.

Нура поймала мою руку. Горя то ли досадой, то ли гневом, я попытался высвободиться, но прикосновение ее нежной теплой кожи утомило меня. Я поглядывал украдкой. Я ласкал взглядом абрис щеки, округлой, пленительной, с нежным пушком, долго смотрел на густые блестящие волосы, собранные на макушке в узел, из которого ускользнули несколько прядей – они щекотали ей лоб, виски, прелестные ушки, подчеркивали ясность ее лица.

Нура вдохнула чистый утренний воздух, опустила длинные ресницы и призналась мне:

– Я кое-что сделала для зачатия вашего ребенка. Кое-что важное. И горжусь собой.

– О чем ты?

– Я вам помогла.

Помогла нам? Мне? Она что, издевается надо мной? Она намеренно выбирала эти язвляющие меня слова или же неосознанно? Нура удовлетворенно добавила:

– Я посоветовала Мине помолиться Богине-матери, Началу всех начал, и поднести ей пузатые фигурки. А еще я дала ей лучшие травы, которые благоприятствуют вынашиванию. Мина послушалась меня.

– Ах, это ты велела ей пить крапивную настойку?

– Ну да. То есть... назначил Тибор, а я передала его совет.

– Она меня каждый день поила крапивой!

– Это укрепляет и мужчину. Ну а ты пил отвар клевера?

– Нет.

– А отвар малинового листа?

– Нет.

– Отлично. Ах, я забыла! Тибор сказал, что Мине больше нельзя пить малиновый отвар. Не знаю почему, он мне сегодня утром сказал. Передай Мине, пожалуйста.

Она побарабанила бело-розовыми пальчиками по моей руке, загорелой, исцарапанной, со вздувшимися венами.

– Ну, ты доволен?

Я был в ярости. Долго еще она будет меня морочить этими пустыми разговорами? Когда мы поговорим о главном?

Не в силах терпеть, я ринулся вперед:

– Нет, я не доволен. Потому что мне плевать на то, что

происходит с Миной. Потому что Мина меня раздражает. Потому что Мина нагоняет на меня скуку. Потому что не я ее выбрал, а отец навязал мне ее.

Она бросила встревоженный взгляд на Панноама, желая убедиться, что он к нам не прислушивается.

– Он ошибся?

– Он поступает по-своему, как ему кажется выгодней для деревни. Ему было безразлично, кто мы такие, Мина и я, чего мы желали, на что надеялись, что нас сближало или отдаляло друг от друга. Для него важны были интересы деревни, мирные и торговые соглашения, а вовсе не наши с Миной интересы.

Она упрямо повторила, пристально глядя на меня:

– Он ошибся?

– Как вождь – нет. Как отец – да.

– А какая разница?

– Отец ищет счастья для сына, вождь – для общины.

– Но твой отец – вождь. А ты сын вождя.

– Ты пра...

– Так как же ты смеешь порицать своего отца?

Я был уязвлен.

– Не хитри, Нура, хватит ходить вокруг да около! Мы говорим не о ней, а о тебе. Я осуждаю отца не за то, что он выбрал Мину для меня, а за то, что он выбрал тебя для себя.

Она выпрямилась, кровь ударила ей в лицо. Гнев заострил ее черты, кожа натянулась к вискам и переносице. Лицо ста-

ло жестким и очень женским.

– А какое тебе до этого дело?

– Панноам тебя украл!

– То есть?

– Он украл тебя у меня! Он меня обокрал!

– Обокрал тебя? Разве я тебе принадлежу?

Я в замешательстве опустил на колени и дал волю бурному потоку слов, беспорядочному и безостановочному; я признался ей во всем: в своей страсти, которую так долго лелеял, в своем желании взять ее в жены, рассказал о просьбе отцу, о томительном ожидании после того, как отца искалечили Охотники, о моих надеждах во время его выздоровления и, наконец, о моей тоске, когда я узнал, что он растоптал мои желания и сам берет Нуру в жены.

– Почему ты ничего мне не сказал? – побледнев, прошептала она. Ее тонкие ноздри дрожали.

– По нашим правилам, это сначала обсуждается с родителями, потом с родителями жены.

– Но ведь в первую очередь это касается меня!

– Я собирался сказать тебе, Нура, как раз в тот миг, когда раздались крики Панноама и лай собак. Вспомни. Я оборвался на полуслове и бросился к отцу.

– Да, я вспоминаю. Но я помню, что тем же вечером, когда все было позади, я предложила тебе закончить разговор.

– Я тогда падал от усталости, так вся эта история меня выпотрошила.

– Ну а потом?

– Ты ухаживала за моим отцом. Я надеялся, что это послужит нашему делу.

– Нашему?

– Что он согласится.

Слушая собственные объяснения, я начал понимать, что все это время поступал исходя из того, что Нура – моя сообщница и горит желанием стать моей женой.

Она подтвердила мои мысли, недовольно скривив губки:

– Ты никогда мне не говорил, что хочешь взять меня в жены, ты ни разу не признался мне ни в любви, ни даже в симпатии. Или ты считаешь, что у тебя это на лбу написано?

– Как же, Нура, это и без слов ясно!

– Что ясно?

– Что всякий, кто тебя встретит, непременно в тебя влюбится.

Глаза ее вспыхнули, потом она велела мне встать с коленей, сесть подле нее на пень и перевела дух: Панноам наших бурных объяснений не заметил.

Я грустно повиновался.

– А если бы я сказал, что-нибудь изменилось бы?

Ее глаза наполнились слезами, и она убежала.

Значит, это я во всем виноват...

Долгие годы свою покорность отцу я считал незыблемой, и лишь потом она пошатнулась, но слишком поздно, и Нура

уже никогда не будет моей.

Однако этот печальный факт кое-что мне открыл: я наде-лен некоторой властью. Да, я мог вмешиваться в свою жизнь, а не только терпеть ее. Во всяком случае, теперь я это знал. Я понял, что могу быть собой, а не кем-то другим; я впервые обнаружил неопределенную часть моего существования, ла-зейку, слабое место, зону туманности, зияние, точное имя которому дать не мог и которое тысячелетия спустя филосо-фы назовут свободой. Это запоздалое открытие лишь усили-вало горькую мысль: Нура не станет моей женой.

В мире, где я родился, свобода не только не имела имени, но и не пользовалась спросом. Вот почему Нура отсекала – Нура дерзкая, Нура странная – ту Нуру, которая попирала обычаи. В ее годы ей надлежало быть замужем! И стать ма-терью! К тому же красота и ум той, что сегодня сочеталась с Панноамом, возвысят ее до великолепной партии. Почему она так тянула? Почему до сих пор уклонялась от супруже-ства? *Почему* – я не знал. *Каким образом* – я понял: Нура вынудила Тибора смириться со своим нравом, ведь тот бо-ялся перепадов ее настроения, приступов гнева и слез и на-слаждался ее радостью. Мама говорила, что она его за нос водит; но она водила его за сердце. Он любил ее. Его привя-занность переросла простую родительскую ответственность. Стараясь не раздражать ее и не перечить ей, он обращался с ней уважительно, подмечал ее притязания, считал своей ровней.

Подобные отношения Нура установила и со мной: мы спорили, я ее выслушивал, мы обсуждали и женские, и мужские темы, меня интересовало ее мнение, я приводил доводы, я признавал свои ошибки, я никогда не был с ней резок.

Сельчанам Нура внушала уважение. Пришлая, непонятного происхождения, она одевалась, выражалась и вела себя на свой манер, была непредсказуема, то высокомерна, то приветлива, смешлива поутру, вечером задумчива, очаровательна, усердна, эгоистична, уязвима, чувствительна и бесчувственна – ее венчал ореол тайны. Будь она замужней, сельчанам было бы проще определить ее, но ее положение непреклонной и великолепной девственницы придавало ей еще больше пикантности. Она казалась всем королевой. Бесспорной королевой.

Бесспорная королева неведомого королевства...

А на самом деле этим королевством была она сама: Нура управляла собой, она с собой договаривалась и себе подчинялась.

Эта гордая независимость была заразной. И вот я перестал безоговорочно разделять отцовские идеи и одобрять его решения. Я отделился от него. Конечно, я не отваживался на разрыв, но встал на путь, который к нему ведет, – на путь сомнения. Прав ли был отец, взяв себе вторую жену, когда у него уже имелась полноценная семья, готовая ему наследовать? Прав ли он был, когда пренебрег моими интересами и предпочел им свои? Прав ли он был, когда разру-

шил наше прекрасное согласие?

Нура вела себя с нами, с Панноамом и со мной, по-разному: ее присутствие будило в нас смутные импульсы, питавшие нашу особость и расшатывавшие устои. Тем самым Нура нас ссорила: она отделяла сына от отца, противопоставляла сына отцу. До нее один плюс один оставалось единицей. Теперь один плюс один равнялось двум.

Я не слишком радовался тому, что заразился свободой. Она не укрепляла меня, а удручала. Зачем уходить от нормы, если за это расплачиваешься миром и согласием?

В тот день я шел домой, исполненный решимости стать прежним Ноамом. Нура возмутила чистую и спокойную воду моей жизни. Я мирно плескался, а она швырнула меня в водопады и бурные потоки; я довольствовался привычной лужей, а она приговорила меня к штормам; итак, я возвращаюсь в родную лужу. Прощай, Нура, здравствуй, Мина. Ведь это и есть моя жизнь. По какому праву я требую большего? У меня была жена, скоро будет и наследник, я встану на место отца во главе деревни.

Переступив порог, я позволил Мине поворковать, походить распустив хвост, пританцовывая, потом с невинным видом спросил, чему она так рада.

Мина разыграла нерешительность, еще пуще стала жеманничать, радуясь, что придержала свой секрет. Но когда я нахмурился из-за этих выкрутасов, она объявила, что у нее будет ребенок. Ее веселые и робкие глазки, притаившись под

низким лбом, ожидали моей реакции. Натруженные красные ручки очертили вокруг живота внушительный купол. Я встряхнулся, чтобы отогнать дурные мысли, подавил в себе ощущение дежавю, пытаясь забыть, сколько раз я обольщался напрасно; стараясь убедить себя, что на сей раз меня ждет детский лепет, а не похороны младенца, я изобразил восторг.

Ослепленная счастьем, Мина не заметила ни моих уловок, ни моих усилий.

День покатился по колее, проложенной этой сценой. Нужно было всенародно возвестить о том, о чем все, кроме меня, и без того догадывались. Вяло повиснув на моей руке, исполненная гордости, Мина мурлыкала и упивалась деланным удивлением соседей, привычными поздравлениями и пожеланиями: можно было подумать, что это она изобрела беременность! Я смотрел на нее с невольным презрением... лицо ее не было ни уродливым, ни красивым, вся она была лишена и достоинств, и недостатков, но болтовня ее была невыносима... лучше бы она молчала.

Вечером, пресытившись своим торжеством, она свернулась подле меня калачиком, положила голову мне на грудь и тотчас задремала. Моих губ коснулась улыбка, впервые за этот день искренняя: нет, я больше не поддамся этой рохле и не стану ее оплодотворять.

Наступила ночь.

Жизнь, казалось бы, шла своим чередом.

Прихрамывая на своей ноге из оленьей кости, Панноам все так же шагал по улицам деревни, и я все так же сопровождал его. Мы беседовали с жителями, вели переговоры с вождями соседних деревень, укрепляли отряд воинов, дрессировали собак, предназначенных для защиты от Охотников. Панноам, невзирая на свои хвори и увечье, усердно готовил меня себе на смену. Не угрызения ли совести были причиной этого преувеличенного внимания ко мне?

Мама утратила прежнюю веселость, хотя еще не осознала этого; в глазах ее застыло крайнее удивление. Ее супружеская жизнь до сих пор была ей в радость, и она никак не могла свыкнуться с мыслью, что ее муж официально и безоговорочно ввел в дом молодую соперницу. Мамины взгляды на жизнь изменились, она тревожно оглядывала свое тело, говорившее ей об утрате совершенства; ее обескураживал новый враг, внушавший ей страх и понимание, что ей его не одолеть, – время. И она обнаружила, что своими последними ухищрениями невольно скрывает увядание: обвешивается бусами, чтобы скрыть располневшую шею, носит платья без пояса. Мне было больно за нее. Уголки глаз опустились; лицо отяжелело; румянец говорил уже не об избытке жизненных сил, а об одышке.

Оставаясь с Панноамом вдвоем, мы с ним не произносили ни слова. Нас уже не связывало ничего, кроме общинных дел. Не касаясь предмета нашей размолвки, мы не обсуждали и других семейных дел – ни беременности Мины, ни

здоровья Мамы, – тем более что Тибор самолично занимался Мамиными мигренями. Привычная дружеская болтовня, шуточки и подтрунивание канули в прошлое.

Шли дни, и наше молчание становилось все тягостней. Поначалу оно освобождало нас от никчемных слов, затем стало давить. Мы с Панноамом не знали, как разрубить этот узел. Случилось немыслимое: находясь рядом с ним, я скушал.

И страдал от этого.

Страдал, думая о нашем прошлом, освещенном светом чистой привязанности; страдал, думая о нашем унылом будущем, с которым я уже не связывал честолюбивых помыслов.

Не знаю, страдал ли Панноам. Увы, по его лицу, искаженному постоянными болями, я не мог отличить душевного страдания от телесного.

Наш разлад – вот что меня мучило. Клинок, рассекший нашу дружбу, расщепил надвое и меня. Во мне жили два противоборствующих существа: хороший сын и дурной, покорный и мятежный. Когда я придерживал язык, мятежник кидался на покорного. Если же я протестовал, покорный затыкал рот мятежнику. Я жил в постоянном разладе с собой и вел с собой непрерывную войну. Я сдерживал свои побуждения и слова. Но и наоборот: я упрекал себя за чрезмерную сдержанность, подавление своих порывов, придирки к себе. Я был подмостками разлада, я был самым разладом; я был

мучением и мучился сам.

В то утро Панноам предложил мне сесть рядом с ним под Липой справедливости напротив жалобщиков. Обычно он требовал, чтобы такие встречи проходили без посторонних, полагая, что те могут повлиять на ход дела.

– Я хочу, чтобы ты учился вершить суд, Ноам.

Пришли двое селян, толстый и тощий. Толстяк Пурор возмущался, что собака тощего Фари задушила его пятерых цыплят.

– Ты лучше присматривай за своими курами! – вопил Фари, торговец овсом.

– Я не собираюсь запираť своих кур из-за твоей паршивой собаки. Как же им кормиться? Убей свою собаку.

– Убить мою собаку?

– Или привяжи.

– А зачем мне собака на привязи? Она должна сторожить мой дом, гнать незваных гостей, душить лис, крыс и хорьков.

– Твоя собака уничтожила моих кур. Если не привяжешь, я ее убью.

– Только тронь мою собаку, я тебя удушу!

Панноам дал им выпустить пар. Когда они обратились к нему, он мирно объявил толстяку Пурору:

– Посади остальных кур в высокий загон, чтобы собака в него не проникла. Тогда и твои куры будут целы, и собака Фари останется при деле. Всякая живность должна приносить свою пользу.

– Вот поистине мудрое решение, – с облегчением вздохнул тощий.

– Пусть он возместит мне убытки! – взорвался толстый. – Пусть отдаст мне пять кур! Пусть каждый день приносит мне яйца!

– Ничего подобного, – проворчал Панноам. – Прими меры предосторожности, таково мое решение.

– Он виноват! Он и его собака!

– Это мое последнее слово, – сурово отрезал Панноам и встал. – Ты просил справедливости, ты ее получил. А теперь идите по домам.

Жалобщики ушли, тощий довольный, толстяк чертыхаясь.

Панноам повернулся ко мне:

– А ты рассудил бы так же?

Я поколебался, затем ринулся в бой:

– Нет. Я потребовал бы возместить убыток. Пурор пришел с жалобой, он пострадал из-за гибели своей живности, он жертва. И вот его же и обвинили. Мало того, ему предстоит еще разориться и на загон для кур.

– Тебе это не кажется справедливым?

– Нет.

– Почему я вынес такое решение? Оно мне кажется более разумным для нашего будущего. Собак в деревне становится все больше, и такие случаи будут повторяться, если кур не помещать в загон.

– Я одобряю, что ты ввел это правило. Но оно еще не было в силе, когда этот случай произошел. Нечестно наказывать того, кто...

– Надо припугнуть куроводов, а не владельцев собак.

– Припугнуть? Мне казалось, ты ищешь справедливое решение.

– Ноам, такое может случиться и с нашими собаками.

– Ну да, понимаю: не справедливость для всех, а справедливость для себя!

Он рассвирепел:

– Молчи! Справедлив тот суд, который я вершу под этим деревом.

– Ах вот как! Ты вершишь? Это не справедливость, а произвол!

– Довольно!

Панноам побагровел; он раскачивался, припадая на левую ногу и тяжело дыша. Я набросился на отца впервые; мой бунт был стихийным, я его толком не осознал. Меня он озадачил, отца – обозлил.

Мы замолчали. Это был наш первый за многие недели столь долгий разговор.

Панноам снова сел, потерял виски; взгляд был холодным и непреклонным.

– Займись подготовкой моей свадьбы.

– В каком смысле?

– Организуй торжества: церемонию, цветы, угощение.

Мать больна.

Нет чтобы сказать: «Мать страдает» или «Мать отказывается», — он назвал ее больной. Меня раздражало его самодовольство.

— Ты мой сын, и к тому же старший.

— Но у тебя есть и другие дети, и самое время о них вспомнить.

— О чем ты?

— Если подготовкой займусь я, боюсь, что я «заболею», как и мама.

— Да как ты смеешь?

Я без робости вплотную приблизился к нему и сквозь зубы процедил, глядя прямо в глаза:

— Неужели тебе мало того, что ты меня подмял? Что пнул меня, как собаку? Ты хочешь стереть меня в порошок и уничтожить?

Он вздрогнул, не ожидая такого выплеска гнева. Я добавил:

— Поручи это сестрам, а меня уволь.

— Но почему?

— Неужели нужно объяснять?

Потрясенный моим упрямством, он весь обмяк и растерянно пробормотал:

— Я не знал. Ты ничего не сказал. Откуда я мог знать?

Его внезапная слабость меня ничуть не разжалобила.

— Ты прекрасно знал, что я надеялся взять Нуру в жены.

– Ах да, ты что-то такое говорил... – презрительно бросил он.

В этот миг я понял, какая пропасть разделяет нас. Когда он решил взять Нуру себе и отказал мне, он посчитал, что тема закрыта. Напоминание старой забытой истории вызвало у него досаду. Неужели отец так плохо меня знает? Так мало придает значения моим мыслям и чувствам? Неужели думает, что его приказы с легкостью их изменяют? Конечно, в том была и наивность, и самоуверенность, и эгоцентризм...

Он заговорил со мной как с ребенком:

– Так устроена жизнь, Ноам. В ней есть и удовольствия, и женщины – иногда мы их получаем, но чаще приходится отказаться. Это не так уж важно.

– Не важно?

– Не важно!

– Отказаться от женщины – это не важно?

– Не важно, Ноам.

– Так откажись от Нуры.

Он уязвленно дернулся. Его взгляд блуждал в поисках новых доводов, потом остановился на мне.

– Я посвятил тебе мою жизнь, Ноам.

– Нет, ты посвятил ее деревне.

– Я никогда не уделял внимания твоим сестрам, я с ними никогда не охотился и не беседовал. Я выбрал тебя.

– Почему?

– Ты мой двойник. – И он прибавил: – Ты мое творение.

Мой наследник.

Меня поразила горькая мысль.

– Так ты любишь не меня, а себя во мне.

Панноам озадаченно нахмурился, не желая вникать в мое резкое замечание, и упрямо продолжал хорошо отработанным снисходительным тоном:

– Не будем ссориться из-за девчонки.

– Вот именно, отец. Откажись от Нуры.

Его лицо исказила злоба. Губы задрожали от возмущения.

Презрительно смерив меня взглядом, он бросил:

– У тебя уже есть жена.

– У тебя тоже. И она прекрасная женщина.

– Ты защищаешь ее, потому что она твоя мать!

– Мама подарила тебе одиннадцать детей, отец, – одиннадцать здоровых детей. Мина мне – ни одного. Мама – достойная пара вождя, она всегда на высоте, всегда рядом с тобой. Мина к этому не пригодна.

Панноаму хотелось защитить репутацию Мины. Но он тут же понял, что это дело гиблое. Он потерял больную ляжку.

– Я немолод, Ноам.

– Вот именно. Нура слишком молода для тебя.

Его глаза подернулись влагой, и он воскликнул с обезоруживающей прямоотой:

– Она вернула мне желание жить!

Он говорил правду, я знал это и по себе. В порыве нежности я схватил отцовскую руку:

– Когда мы с ней поженимся, ты будешь видеть ее каждый день, будешь ласкать наших детей. И она будет давать тебе радость жизни.

Панноам прикусил губу, его веки дрогнули, но он спокойно отвел мою руку:

– Я вождь. И делаю то, что важно для вождя.

– Но ты и мой отец.

– Да.

– Так для тебя важнее быть вождем?

Теперь увлажнились мои глаза. Я отстранился, ожидая его ответа. Панноам держался бесстрастно. Он пристально посмотрел мне в глаза и отчетливо произнес:

– Да.

Я отвернулся, чтобы скрыть свою боль, и, уходя, крикнул ему:

– Сегодня вождь убил отца!

* * *

– Ноам?

Я и ухом не повел. Я, поджав ноги, сидел на полу у себя дома напротив открытой двери, устремив взгляд на Озеро, и никакая сила не могла сдвинуть меня с места. Придя под покровом туч, затянувших горизонт, мое мрачное настроение передавалось моим словам и поступкам; о чем бы меня ни спросили, я пожимал плечами, вздыхал и отмалчивался.

От моей угрюмости досталось и Мине; свернувшись калачиком в углу, она не решалась ни окликнуть меня, ни шевельнуться.

Вдали пророкотал гром. Из зарослей ивняка вырвался одинокий резкий крик птицы, и я едва сдержался, чтобы не зарыдать в ответ. Все вокруг было обескровлено скрытым отчаянием, оно обесцвечивало краски, лишало жизни тростник и студило воду. Природа затаила дыхание.

Гром грянул над головой, день превратился в ночь, и на деревню с яростью вражеских полчищ обрушился ливень. Нас ослепляли вспышки молний, струи воды обрушивались, как лавина дротиков, решетили дорогу, пробивали соломенную крышу и струились по стенам.

Мина взывала. Напуганная гневом Богов, она забралась под циновку, зажмурилась, заткнула уши, а я так и сидел недвижно, наблюдая нашествие вод.

Всем телом я впивал это буйство, наслаждаясь его мощью. Буря отдавалась эхом в моей печали. В унисон со вспышками молний по телу пробегала дрожь; сердце билось в ритме раскатов грома; я вдыхал влажный воздух, чтобы омыть им легкие. О, как мне хотелось, чтобы водяная завеса нас накрыла, чтобы земля разверзлась под натиском небесных сил, чтобы потоки грязи смыли людей, их дома, их добро, их заботы и их несчастья! Я безмолвно молил Богов нас уничтожить. Конец света, и никак не меньше!

Обезумев от этого светопреставления, я растворялся в

бурной ночи, страстно желая, чтобы она поглотила нас. И пусть следом за мной весь мир устремится в бездну! Я лишился самого важного. Отца. Нуры. Людей, которые так много для меня значили.

Дождь перестал.

Тишина.

Удивленная тишина.

Она казалась огромной. Соразмерной только что прекратившемуся грохоту.

Робко шлепались последние капли. Крыша вздохнула, будто жалуясь на свои увечья. Небо расчистилось.

Я зажмурился от ослепительного света. Что-то во мне переменялось. Раз я пережил эту бурю, позволю ли я, чтобы мною помыкали?

Я встал и вышел.

Возле дома Тибора я заметил Нуру: она зябко переминалась с ноги на ногу. Ждала меня? Увидев меня, она бросилась мне навстречу.

Я протянул к ней руки, она спряталась у меня на груди, и мы замерли – двое чудом уцелевших после неминуемой гибели согревались теплом друг друга. Я вдыхал ореховый запах ее волос, гладил ее нежный затылок, с трепетом прижимая ее к себе, такую хрупкую; ее тело всегда меня манило, а теперь, в моих объятиях, казалось бедным, уязвимым и драгоценным.

Я шептал ей на ухо:

– Откажись, Нура, откажись.

Она отстранилась, взглянула на меня, зажмурилась, как кошка, которая, лакая, боится забрызгаться, потом снова посмотрела мне в глаза:

– Как отказаться? Меня никто не спросил.

– Откажись.

– Меня заставят. Я женщина, Ноам, я бесправна.

– Ты женщина – сделай так, чтобы ему расхотелось брать тебя в жены. Стань ему неприятной, отвратительной, безразличной. Пусть у него пропадет всякое желание.

Она грустно усмехнулась:

– Ты хочешь, чтобы я стала безобразной?

– Для меня – не станешь! Нура, умоляю, стань отвратительной для него!

Я снова сжал ее в объятиях. Она им отдалась, потом высвободилась и вздернула подбородок:

– Зачем мне это делать?

– Ради нас.

– Нас?

– Нас!

Лицо ее раздраженно заострилось.

– Никаких «нас» никогда не существовало, Ноам. «Нас» никогда на свете не было. Ты не сумел вовремя объяснить.

– Прости меня, я понял свою оплошность. Теперь я говорю открыто: я хочу жить с тобой, Нура.

Она оттолкнула меня и отступила назад, побледнев.

– Неужели ты думал, что я согласилась бы стать твоей второй женой? Второй женой! Разве я не заслуживаю лучшей доли?

Я растерянно пробормотал:

– Я... я... Мину мне навязали прежде нашего знакомства... я ничего не решал... Слишком поздно... я не могу...

– Убить ее? Нет, но отречься от нее.

– Отречься от нее?

Нура бросила мне вызов. Она сделалась жесткой, колючей, непреклонной. Чем Мина заслужила такое суровое наказание? Если наши дети погибали, так пожелали Боги... Демоны... Духи... не знаю... Во всяком случае, простодушная и невинная Мина ни в чем не виновата. Я не мог причинить ей зло.

В глазах Нуры блеснуло осуждение.

– Чтобы достигнуть цели, иногда приходится резать по живому. Чего ты хочешь? На самом деле? Всего! То есть ничего! Ты должен сделать выбор!

– Нура, попытайся понять...

– Я вторая жена? Никогда! Я стою большего!

Мы смирili друг друга взглядами.

Во мне закипал гнев, и я проговорил сквозь зубы:

– Не бахвалься, Нура! Через несколько месяцев ты станешь второй женой!

– Первая – старуха!

Я замер с открытым ртом. Я не ослышался? Нура не толь-

ко пренебрегла моими чувствами и попраля мою щепетильность, предлагая отречься от Мины, но еще и оскорбила мою мать. Мама – старуха?

Казалось, она наслаждалась моим изумлением; она кивнула, намереваясь добить меня:

– Я молодая, она старая. У меня жизнь впереди, у нее – позади. С твоим отцом я недолго останусь второй.

– Как? Ты ждешь, что моя мать скоро умрет?

– Нет, не я, это смерть ее поджидает.

Я влепил ей пощечину.

Она мне ее вернула.

Мы оба дрожали от ярости. Напружиненные, с горящими висками, как два борца, готовые нанести следующий удар, мы стояли друг против друга, лоб в лоб. Она бросилась первой:

– Через несколько месяцев я стану женой Панноама, а не твоей.

– Откажись от него, Нура, потерпи.

– С чего бы мне бросать надежный брак на ветер?

– Пожалуйста!

– Ну, допустим, я так поступлю, и что дальше? С досады или из ревности Панноам воспротивится нашему с тобой союзу.

– Он мучается сильными болями, угасает, Нура. Он скоро умрет.

– А Мина к тому времени тоже умрет? Пошевели-ка моз-

гами, мой бедный Ноам! Ты разом избавишься от всех трудностей?

Сдерживая раздражение, я мягко настаивал:

– Мой отец не вечен.

– И что дальше?

– Откажи ему и жди меня.

– Ты бредишь! Это может продлиться год, пять лет, десять лет!

– Панноам не вечен!

– Но и я не вечна!

Она больше не сдерживала гнева:

– Почему я должна склоняться перед приказами других, перед желаниями мужчин? Я пришла в этот мир не для послушания. Мне всегда удавалось повернуть дело так, чтобы мои желания выполнялись. Я скоро стану женой вождя.

– Ты будешь ему подчиняться.

– Посмотрим!

– Но чего же ты хочешь? Занять место вождя?

– Почему бы и нет?

– Любой ценой?

– Дорогой ценой: я отдаю вождю себя. Видно, и нынешнему вождю, и будущему этого мало...

– Ты бесчувственна... одно тщеславие...

– Не прикидывайся простачком, Ноам!

– Что ты о себе возомнила, Нура?

– Твой отец вождь сейчас, ты станешь им потом. А я кружу

вождям голову и кручу головой вождя.

Она стиснула мне шею:

– Ты дорожишь мной? Тогда я объясню тебе ход событий: я выхожу за твоего отца, а когда его не станет, выйду за тебя. И подождать придется тебе, а не мне.

– Никогда!

– Именно так и будет! Сначала я стану женой твоего отца, а потом твоей.

– Ну нет, после него – не хочу.

– Ах, какой гордец! Именно после него! И ты будешь этим счастлив! И скажешь мне спасибо.

– Безумная!

Ее пальцы разомкнулись и нежно коснулись моей щеки.

– Я знаю, что ты будешь послушным, Ноам. Ты, как козочка, придешь кормиться из моих рук, когда я тебе свистну.

Я невольно оттолкнул ее. Она пошатнулась, ступила на мокрую глину, потеряла равновесие, заскользила в грязь, но, яростно вильнув бедрами, устояла. Выпрямившись, она смерила меня надменным взглядом; на меня смотрела воинственная, полная жизни, непримиримая и великолепная женщина. Темные страсти захлестнули нас с новой силой. Мне хотелось искушать ее и задушить в объятиях.

Нура уловила мое состояние. Она язвительно усмехнулась, потом рассмеялась.

Она смеялась, а меня все больше одолевал стыд, что я так ею околдован, что она безраздельно владеет моими мысля-

ми. Меня взбесили ее спесь, глумление и насмешки.

Я вернулся на тропинку и, обернувшись, решительно бросил ей:

– Спасибо, Нура! Спасибо за твой эгоизм и твою жестокость! Мне будет проще тебя разлюбить!

Ее смех тотчас оборвался.

– На здоровье, Ноам!

– Ты помогла мне возненавидеть тебя.

– Возвращайся, когда передумаешь!

И пошла домой. Едва войдя, она что-то нежно проворковала Тибору, достаточно громко, так что я услышал ее голос. Этой мгновенной переменой она дала мне понять, что наш разговор не слишком взволновал ее, что она прекрасно обойдется без меня и, возможно, будет вполне счастлива.

* * *

Мина стала моим спасением. С ней все было просто, ее восхищала даже капля моего внимания к ней: небрежная ласка, поданная ей кружка воды, протянутая рука. Она неустанно радовалась фруктам, которые я ей приносил, а выдра или заяц, добытые мною на охоте, казались ей непревзойденным деликатесом. Оброненное мною слово было для нее событием, моя беглая улыбка вызывала у нее восторг, а если я усмехался, она хохотала как безумная. Видя ее отзывчивость, я исправно играл свою роль, а она отдавала мне

сторицей.

К моему удивлению, мне было с ней хорошо в этом доме, который она обустроила за годы нашей жизни. Я с опозданием оценил ее талант домохозяйки. Она никогда не давала угаснуть углям нашего очага, не была похожа на тех вертихвосток, что пренебрегают своей семьей и бегают по чужим домам. Сплетенные ею круглые корзины позволяли с толком разместить нашу провизию, одежду и инструмент. Когда мы садились завтракать, она раскладывала на полу чистые цветные циновки. Стены она украсила охряным фризом – геометрические фигуры, волны и рыбы кости, – имитируя роспись кувшинов и горшков Дандара. Благодаря ее стараниям наш дом дышал теплом и уютом, тогда как жители схожих домов, казалось, по-прежнему обитали в пещерах⁸.

---

⁸ У каждой эпохи свой цвет. Моя – красная. Этим цветом омыты все мои воспоминания. Мы научились добывать из почвы охру и готовить ее к использованию. Даже если оттенки варьировали от желтого до фиолетового, главным был красный. Иногда Природа сама дарила нам красную охру, иногда мы получали ее, нагревая желтую. Мы, люди, ценили красный цвет, столь редкий и в животном, и в растительном мире; он означал наше превосходство. Мы мазали красным наше оружие, утварь, одежду, стены, а иногда и тела, то целиком, то частично. В XVIII веке возобновился интерес к древности; Библия утрачивала свой безусловный авторитет, и ученые заинтересовались древней историей. Не располагая текстами, они стали рыться в земле. Они занимаются этим до сих пор. Они находят следы нашего древнего мира и по ним его воссоздают. Не останавливаясь здесь на их успехах и ошибках, сообщаю об одном непременном выводе: они считают, что цвет неолита – красновато-коричневый. В фильмах, в книжных иллюстрациях, на музейных витринах преобладает коричневый. Почему? Они находят ископаемые следы в земле и, видимо, наделяют древнюю историю цветом земли.

Мина совершала обряды радости. Ей нравилось быть, ее восхищало то, что у нее есть. В отличие от Нуры, она никогда не желала большего. У нее не было устремлений, она не старалась что-то усовершенствовать – прежде я презирал в ней эти черты, теперь же они казались мне вершиной мудрости. Почему я видел пустоту, а не полноту? Зачем? Что я получал, кроме разочарования? Мина ценила не пустоту желания, а полноту удовольствия.

Я старался исполниться этой мудрости: ценить свое положение сына вождя; ценить свой долг подчинения отцу; ценить свою обязанность создателя семьи; ценить свою роль мужа... Совсем недавно я недолюбливал свою жизнь, мне казалось, что все в ней ничтожно. Теперь же я принял те мелочи, из которых она состояла, и жизнь стала налаживаться. Жизнь моя оставалась прежней – изменился мой взгляд на нее.

Встреч с Нурой я благоразумно избегал. Уклонялся я и от общения с Мамой, чтобы ее печаль не пошатнула мое хрупкое равновесие. С отцом держался так, будто у нас не было никакой размолвки. Ноам и Панноам будто условились о полной амнистии – вернее, амнезии.

И я согласился взять на себя организацию свадебных торжеств.

Панноам желал умопомрачительного великолепия, роскоши и блеска, хотел затмить все прежние праздники, а нынешним заявить об изобилии и процветании нашей общи-

ны. То есть мы не ограничимся приглашением односельчан, а примем влиятельные кланы других озерных деревень. Мы рассчитывали по меньшей мере на четыре сотни человек – сборище по тем временам неслыханное.

Мы расширили поляну, вырубив часть деревьев, стволы ошлифовали и превратили их в скамьи, а скамьи расставили по кругу. В середине устроим танцы. Вокруг разместим певцов. А по краям за сколоченными на скорую руку столами будут пировать гости. Я нанял на ярмарке бродячих музыкантов, троих дударей и четверых барабанщиков, а они посоветовали мне взять еще одного свирельщика, искусно извлекавшего из своих свирелей дивные погудки; я отыскал его и пригласил тоже. Все подробности – цветы, гирлянды, наряды, угощения и напитки – я обсуждал с Миной и ее советы пускал в дело. Несколько месяцев наши деревенские ремесленники по моим указаниям мастерили подарки.

Во время бракосочетания подарки будут вручаться не новобрачным, а гостям. Такой порядок был задан высоким положением новобрачных; качество и количество даров создавало или разрушало репутацию. Не было более дорогостоящего предприятия, чем свадьба, и большинство сельчан вообще без нее обходились, спариваясь без церемоний, как звери.

И вот наступил день, к которому так тщательно готовились.

Едва забрезжил рассвет, поляна стала заполняться. Люди прибывали отовсюду целыми семьями, они были радостно возбуждены, хотя и робели. Ребятишки с флягами наперевес носились меж гостей. Черничное вино лилось рекой, гости пили без продыху, но наши сельчане не ударили в грязь лицом и наготовили питья вдоволь. Солнце поднималось, веселье нарастало. Тела и души разогревались. Гул голосов, взрывы смеха, поздравления, шутки, подначки, тумак — а то ли еще будет, и песни застольные, и хмельные хороводы. Голоса все громче, жесты все размашистей, объятия все жарче, кто-то уже затягивал песню. Щеки лоснились от пота. Нетерпение нарастало.

Когда солнце достигло зенита, грянули барабаны.

На вершине холма возник Панноам. Величественный и широкоплечий, в кожаном плаще, обшитом ракушками, — в этом одеянии он казался выше, а его искусственная нога была скрыта. Его шумно приветствовали.

Но вот с другого холма нежно зазвучали свирели, и все мигом обернулись: там в сопровождении девушек появилась Нура. По толпе пронесся восхищенный шепот. Нура, одетая в полупрозрачное льняное присборенное платье, излучала красоту, силу и молодость. Она шла под музыку по тропинке, легкая и грациозная рядом с дородными девами своего кортежа. Ее движения напоминали танец. В волосы были вплетены белоснежные лилии, шея и руки обвиты гирляндами живых цветов. Ее изумрудные глаза, алые губы, точеные

брови были слегка тронуты краской.

У Нуры был немислимо лучезарный, чистый цвет лица, всем женщинам на зависть. Наши девушки и в жару, и в дождь, и в холод стирали белье, собирали ягоды, работали в поле, и кожа их за несколько лет грубела и темнела; лицо Нуры сохранило нежный младенческий тон; не знаю, каким чудом, но капризы погоды пощадили ее.

Новобрачные двинулись навстречу друг другу и встретились внизу, на полдороге. Он подал ей руку, и они направились к поляне. Там колдун, обряженный в мех и перья – то ли волк, то ли филин, – встретил их ритуальными заклинаниями.

Поначалу я следовал за кортежем, но на опушке остановился. Праздник шел своим чередом, я подготовил его безупречно и все предусмотрел – а просчитался лишь в одном: мне вдруг сделалось невыносимо тошно.

Прислонившись к ореховому дереву, я едва устоял на ногах; пытался отдышаться, успокоить взбесившееся сердце и проглотить слюну, и все же меня вывернуло наизнанку.

Едва мой желудок освободился, я осознал всю горечь происходящего. До сих пор я был озабочен подобающим течением церемонии, но теперь она близилась к финалу, и этот финал меня ужасал: Нура стала женой Панноама!

Колдун протянул новобрачным две глиняные кружки – Нура и Панноам разбили их, и это означало, что они порывают со своим прошлым. Потом колдун вручил им пенько-

вую веревку, которой они обвязали запястья, и это означало союз, который они заключают.

Я не смог сдержать слез и, отвернувшись, увидел за спиной Маму: она стояла прислонившись к дубу – бледная, изможденная и опустошенная.

Нам незачем было говорить. Горе у нас было общее.

Мне хотелось отвлечь ее лъстивыми заверениями; но Мама была непохожа сама на себя. Всегда милая и оживленная, она умела так выигрышно подать свою полноту и так горделиво носила украшения; теперь же она походила на собственную карикатуру: то была отяжелевшая, горестная и поблекшая матрона, утратившая вкус к жизни.

Она машинально протянула мне флягу:

– Хочешь выпить?

По ее невнятной речи я понял, что она уже изрядно приняла на грудь.

Я взял флягу и воскликнул:

– Конечно! Чего еще желать!

– Нечего! – икнув, подтвердила она.

Я сделал добрый глоток. Черничное вино согрело меня. Мне сразу полегчало. Она кивнула:

– Пей на здоровье! У меня этого добра полно.

Она хохотнула, пробормотала что-то невнятное и заключила:

– Все равно я первая жена вождя.

Я еще раз глотнул вина и указал на маячившую вдали фи-

гуру отца:

– Как по-твоему, Панноам ждет нас?

– Как же! Нужны мы ему! Отсюда хорошо видно, верно?

Ты же видишь старика, который взял молодую!

– Ну да!

– Правда, отсюда плохо видно, что он безногий калека.

Она выхватила у меня флягу и припала к ней.

– Странная девчонка! Выйти за хромого старика... Я в ее годы отказалась бы.

Я промолчал; по обычаю, Маму выдали замуж, не спрашивая ее мнения.

Она продолжала выплескивать обиду:

– Я никогда не согласилась бы стать второй женой! Никогда! Делиться с кем-то! Да и теперь делиться не собираюсь. Говорю тебе как на духу, Ноам, можешь мне поверить: если твой отец начнет ко мне пристраиваться, чтобы переспать со мной, он получит от ворот поворот!

Я взглянул на потерпевшую поражение мать, представил себе великолепную Нуру и кивнул, хотя вообразить такую возможность было немыслимо. Она обрадовалась моему одобрению и буркнула:

– Еще чего!

И тут же залилась слезами. Ее отяжелевшее лицо оживилось возмущением наивной и обиженной молодой девушки. Я крепко обнял ее. Она всхлипывала, бормоча:

– И что вы все в ней нашли, в этой Нуре, а? Что вы в ней

нашли?

Что я мог ей ответить? Я увильнул:

– Конечно, женщина его жизни – это ты, Мама! Это тебя Панноам любил долгие годы, это тебе он подарил столько детей. А Нура... это каприз!

Она вцепилась мне в руку:

– Ох уж этот случай! Этот случай! Лучше бы он погиб от рук Охотников! Я страдала бы, да, я оплакивала бы любимого мужа. Но он изменился, стал на себя непохож. Слабый старый калека! У него ни ноги, ни головы! Проклятый случай...

Все внезапные перемены, произошедшие с отцом, Мама приписывала нападению Охотников, полагая, что, если бы отцу не потребовалась забота сиделки, он не заметил бы Нуры. Если бы он не ощутил своей ущербности из-за болей и хромоты, не потянулся бы к юной девушке. Может, Мама и была права. Или ей просто хотелось принизить роль своей соперницы?

– Все он, целитель, – проворчала Мама.

– Что целитель?

– Он заколдовал твоего отца.

– Он его спас, Мама!

Она взорвалась, замахала руками:

– Тибор ни спас его, ни вылечил! Он помешал ему испустить дух! Он превысил свои права. Целитель не идет против Природы, он ей служит. Природа назначила твоему отцу

умереть от увечий. Нельзя противиться Природе!

Она кусала губы и бормотала:

– Ох, умри он в тот день, я хранила бы о нем самые лучшие воспоминания! Оплакала бы его добрыми слезами, чистыми слезами, они текли бы рекой, как лучший залог моей любви к безупречному супругу. А вместо этого...

Мать не закончила фразы, в ярости стукнув кулаками по дубовой коре.

– Это все его происки, Тибора. Отрезал ему ногу, заточил у себя в доме, чтоб он снюхался с его дочерью, а пока она его выхаживала, поил приворотным зельем. Это все он, Ноам, все он!

Я по-прежнему не возражал, понимая, что Мама пытается исключить Нуру из этой истории, затушевать ее привлекательность. Церемония заканчивалась. Новобрачных осыпали лепестками цветов, и они медленно, величественно шли с радушными улыбками посреди всеобщего ликования.

Вскоре должны были начаться танцы и угощение. Потом чета уединится в свежестроенном доме за деревьями, у самой реки...

Мама подняла на меня глаза:

– Как чувствует себя Мина?

– Хорошо.

– У нее на этот раз получится?

– Надеюсь.

– Я помолилась за нее Духам.

– Спасибо.

– Я понимаю твои чувства, сын. Знаю, что Тибор вертел тобой как хотел, сначала привязал к своей дочери тебя, но потом переиграл и подсунул ее вместо будущего вождя нынешнему. Злое дело сделано. Ревность отравляет твое сердце, как и мое, но я восхищаюсь тем, что ты борешься! Ты уважаешь свои обязательства, свою супругу и даже своего отца. Но пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Не надо уважать свою мачеху.

И она расхохоталась. Я тоже. Мы обнялись. Она фыркнула мне в плечо, потом подтолкнула меня к толпе.

– Займись Миной. Когда она тебе надоест, приходи ко мне. У меня дома не один кувшин вина... Напьемся до беспамятства.

И она пошла, напевая и чуть покачиваясь, ведь гордость не позволяла ей упасть.

Отыскав глазами Мину, я спустился на поляну, незаметно подкрался к ней сзади и обнял.

– Самая чудесная свадьба, лучше я не видывала, – прошептала она, прижимаясь ко мне.

Музыканты заиграли веселую мелодию, и гости вышли на середину поляны. Одни неуклюже и грузно топтались, другие выписывали забавные кренделя; некоторые, давно мне знакомые сельчане проявляли неожиданную ловкость и удаль.

Другие раскачивались не сходя с места, в ожидании, когда волна общего веселья накроет их и придаст смелости пуститься в пляс. Музыканты играли без передышки, чтобы веселье не угасало.

Мина умоляюще на меня взглянула и попросила потанцевать с ней. Я с тревогой указал ей на живот:

– Тебе не вредно?

– Очень хочется.

Мы присоединились к толпе. Непривычный к таким занятиям, я старался приноровить свои движения к звукам барабанов, но все невпопад: ритм никак не овладевал мной, я ни кожей не чувствовал его, ни сердцем, он оставался снаружи. А Мина вся отдалась музыке. Удивительное дело! Несмотря на свой округлившийся животик, она двигалась легко и радостно. Заметив мое искреннее восхищение, она удвоила свой пыл.

Утомившись, она схватила меня за руку:

– Вернемся домой.

Я помог ей выбраться из толпы, взял под руку, и мы пошли к дому. Она вздохнула:

– Я сделала глупость.

– Что такое?

– Я растрясла нашего малыша.

– Ему это понравилось. Наш малыш узнал, что его мама прекрасно танцует.

Мина покраснела и успокоилась. Едва мы вошли в дом,

она в изнеможении рухнула на циновку:

– Мм... засыпаю.

– Я с тобой.

– Нет, ты возвращайся туда, а потом мне все расскажешь.

Я кивнул, двинулся к поляне, но, едва выйдя из поля зрения Мины, свернул в другую сторону.

Мама была у себя – она лежала в одиночестве изрядно пьяная. Смеркалось, и я почти не различал очертаний ее тела. Она молча предложила мне улечься рядом с ней и протянула чашку вина. Я залпом ее осушил.

От далеких звуков музыки остался лишь тонкий лихорадочный пульс, он больше не задевал нас.

Пристроившись рядом с Мамой, я шепнул:

– Спокойной ночи.

В ответ она что-то проямлила, дыхание ее, смешиваясь с приглушенными напевами и раскатами смеха, становилось все спокойней, и наконец вся комната наполнилась ровным посапыванием.

Ночью я проснулся. Во рту было гадко, язык присох к нёбу. Мама погрузилась в оцепенение, ограждавшее ее от тоскливой действительности.

Я кое-как выбрался наружу; ноги затекли и еле двигались, и я с трудом доплелся до дому. Мина в полусне слышала мои шаги.

– Ты танцевал?

– Совсем немного. Все тело ломит.

– Ты гордишься?

– Чем?

– Этим праздником, ведь это ты его устроил.

Я болезненно поморщился, и она решила, что из скромности. Она приподнялась и схватила меня за руку:

– Прощу тебя, давай пройдемся.

Ночь была ясной и свежей, дул легкий ветерок. Темные холмы напоминали больших псов, задремавших на берегу Озера. Мы сошли с тропинки и укрылись от праздничного гула под сенью деревьев, бродя меж сумрачных колонн их замшелых стволов. Мы ощущали шелковый шелест трав под ногами и живой запах растоптанной мяты. Потом нас потянуло на праздничный шум, и мы вышли на вершину горюшки над поляной. Под ногами у нас кипело веселье: музыка, огни, взрывы смеха, пение и танцы являли другую ночь, оживленную, бурливую и разношерстную. Тут безраздельно царило упоение жизнью: потрескивало пламя жаровен, на которых готовилось мясо, парни устраивали поединки, другие глазели; кто-то суетливо топтался, а парочки начинали разбредаться.

Я пытался отыскать глазами Панноама и Нуру; интересно, они все еще возглавляют праздник? Расстояние не позволяло это выяснить. Меня больно резанула мысль, что они уединились и совокупляются.

Мина взяла мою руку, потянула ее к своему пупку:

– Чувствуешь? Он шевелится.

Я ощутил под ее теплой кожей упругие толчки.

Она блаженно улыбнулась. Я ответил ей такой же улыбкой. Вообще-то, мы с ней должны радоваться жизни. Плевать на эту свадьбу... Меня позабавила мысль, что там, внизу, пожилой жених, мой отец, распускает хвост перед новоиспеченной супругой, Нурой, которая старше моей жены, и в то же время мы с Миной – бывалая, опытная чета, преодолевшая испытания, и смотрим на всю эту шумиху с высоты своей зрелости.

Мина крикнула:

– Смотри!

И указала на ветку, где сидела сова. Совиная маска уставилась прямо на нас, мерцая двойным огнем радужки, бледные перья сияли лунным светом.

– Нам нечего бояться, Мина, совы не нападают на людей.

Мина вздрогнула от страха:

– Но почему она так смотрит на нас?

– Не знаю...

Совиные глаза, окаймленные кругами перьев, занимали всю плоскую птичью физиономию. Верхушки сложенных крыльев напоминали женские плечи, рыжевато-молочная грудь была усеяна темно-коричневыми крапинами, а весь облик был сама непререкаемость. Я узнал сипуху, бесшумно летящую охотницу, грозу мышей полевых и лесных, землероек, горностаев и кроликов.

Мина прошептала:

– Я боюсь животных, у которых нет тени.

Она выпрямилась, сделала шаг вперед, отступила назад, шагнула влево, вправо. Совиная голова вращалась вслед за Миной, тело оставалось неподвижным.

Мина с ужасом воскликнула:

– Она выслеживает меня! Охотится на меня!

Я передвинулся с места на место и вынужден был признать, что Мина права. Сова замороженно наблюдала за ее движениями. Мину упорно буравил пристальный, бесстрастный и непостижимый взгляд птичьих глаз в обрамлении перьев.

Прячась от совы, Мина прижалась ко мне.

– Что это значит? – прошептала она.

– Сова предчувствует перемены. Она их предсказывает.

– Мне страшно.

Птица громко щелкнула клювом.

Мина задрожала. Я рассмеялся и ободряюще похлопал ее по спине:

– Мина, подумай! Мы скоро станем родителями, у нас будет ребенок. Вот какие перемены она предвещает нам.

– Я в этом не уверена!

Несмотря на свой простодушный оптимизм, Мина была подвержена детским страхам.

– С чего бы сове на тебя сердиться?

– Боги и Духи меня не любят.

– Мина!

– Да! Они каждый раз отнимают у меня ребенка. Они меня проклинаяют.

– Мина! Все дело в том, что с приближением родов ты начинаешь волноваться. Теперь все будет хорошо.

Я целовал ее лицо и шею, нежно гладил волосы, и она успокоилась – или мне так показалось.

Когда мы вернулись домой и улеглись на циновку, она свернулась калачиком и прижалась ко мне. Я ее обнял. Два встревоженных одиночества пытались забыться в животном тепле – вот что такое была наша нежность...

* * *

Путру, чтобы не столкнуться с Нурой и Панноамом, не видеть их блаженных лиц, кругов под глазами, припухлых век и искусанных губ, этой непереносимой истомы после брачной ночи, я сказал Мине, что отправляюсь на охоту, и вышел, не оставляя ей возможности возразить или вздохнуть.

Легкий полупрозрачный туман застилал округу и скрадывал дали. Озеро и горы исчезли. Белесая пелена обращала солнце в луну и приглушала звуки. Тишину прорезал лишь сиплый крик сойки.

Удача улыбнулась мне: очень скоро я подбил из пращи трех зайцев. Весь остаток дня был в моем распоряжении.

Пока туман рассеивался, я решил сходить к волшебному

дереву.

Здесь мне следует признаться, что за тысячи лет я не раз встречал деревья, с которыми у меня завязывались особые отношения – расскажу об этом в свое время, – но ничего бы не случилось, если бы я не спознался с Буком.

Я набрел на него в детстве: однажды утром меня привела к нему белка. Я вспоминаю каждую подробность того дня – мы всегда помним отправную точку, открывающую новый жизненный цикл, этот момент посвящения, закреплённый последующими мгновениями нашей жизни.

Загоняя с товарищами кабана, я отстал от ватаги – наверно, мне захотелось побыть одному – и забрел в лесную чащу; в ней не было ни тропинок, ни ориентиров. На поросшем желтыми грибами пне сидела под сенью своего пышного хвоста белка и грызла орех, придерживая его передними лапками. Почуввав постороннего, она вскинула мордочку, успокоилась и легким кивком предложила мне следовать за ней. Быстрая рыжая шкурка замелькала зигзагами, я еле за ней поспевал. Она живо перелетала с кочки на кочку, едва касаясь земли, замирала, поджидала меня, ловила мой взгляд и удовлетворенно продолжала путь. Она не убегала от меня, а следила за тем, чтобы я шел за ней по пятам.

Мы выскочили из чащи, и белка подвела меня к одиноко стоящему Буку, обернулась ко мне и взлетела по стволу вверх. Замерла на полпути, оглянулась, выразительно посмотрела мне в глаза и пригласила следом. С неловкостью

существа, лишённого цепких когтей, я стал медленно и осторожно карабкаться вверх. Моя неуклюжесть забавляла белку. Едва я, отдуваясь, крепко уцепился за сук, белка исчезла.

Тогда дерево стало со мной общаться. Внушая мне состояние блаженства, щекоча мои ноздри пленительными солнечными ароматами, Бук шепнул мне: «Усни». Я вытянулся, свесив руки и ноги, животом прикинув к толстой ветви – гладкая кора ее казалась мне нежной, как человеческая кожа. Бук увещевал меня закрыть глаза. Я покорно уснул и видел дивные сны, посланные мне деревом: я витал в воздушных потоках, обращаясь то в птицу, то в пыльцу, то в облако, то в ветер – во всевозможных Духов, дружественных Буку.

Со своего насеста я спустился умиротворенный, обогащенный, исполненный откровений всего сущего; я прильнул к великой душе, объединявшей людей, животных, растения, воды и камни, – она сочла меня достойным своих излияний.

Счастливый, я вернулся к товарищам, но умолчал о том, что со мной произошло. Как я мог своими косными словами поведать о случившемся?

Я нередко навещал Бук. Его листья приветственно шелестели, ветви дружелюбно раздвигались. Я проводил с ним долгие часы, прикинув к коре.

Когда мне было лет одиннадцать, Бук приобщил меня к тайне. В этой книге я поведаю о самом сокровенном из моих секретов.

Ошеломленный порослью на подбородке и гордый пуш-

ком на щеках, я наполнился новой силой и энергией, которая велела мне бегать, прыгать, плавать, колоть поленья, подымать камни и мериться силой со сверстниками. Во мне бродили неведомые соки, и приходилось их расходовать. Но утолить и утомить себя движением мне никак не удавалось.

Однажды ранним весенним вечером я пришел к Буку в таком взвинченном состоянии. Он пригласил меня к себе наверх, и, карабкаясь с ветки на ветку, я получил его дар: меня настигла волна смутного наслаждения, поползла меж бедер, по животу; вал нарастал, распространялся, захлестывал тело, учащал дыхание, торопил сердце. Стоило мне подумать, что наслаждение вот-вот утихнет, оно лишь нарастало. Насыщенность этой эйфории пугала меня, но сопротивляться ей я не мог. Моя шея вздулась и раскалилась, как печь. Рот пылал. Уши горели. Я влез на самую толстую ветку; раскачиваясь, от содрогания к содроганию, от сотрясения к легкому касанию, я пролагал путь в неизведанное, теряя самоконтроль и недоумевая, когда же наслаждение достигнет высшей точки. Внезапно дыхание перехватило, что-то прорвалось. Брызнула теплая жидкость, залила низ живота. Я вскрикнул и потерял сознание.

Открыв глаза, я очнулся в другом мире; моя новая вселенная была шире, пленительней и беспокойней, в ней тела могли расточаться в этом головокружительном наслаждении. Я гладил кору Бука, обнимал его ствол. Это было рождение взрослого Ноама. То тут, то там, по икрам ног, по бед-

рам, по животу, проскальзывали никак не желавшие уняться легкие змейки дрожи, как последние веселые весточки упоения. Сохранился приклеенный к пупку след удовольствия, подсохшее меловое пятно, и, когда я поднес к нему палец, оно рассыпалось в порошок. Я благодарно обвился вокруг Бука, ведь прежде я не испытывал подобного восторга.

Долго еще я пребывал в недвижимом блаженстве, но вот все затихло, навалилась усталость; я в изнеможении сполз на землю.

Потом я не раз приходил полюбовиться с Буком. Влекли меня и запахи: листьев, мокрой коры и древесной гнили. Поначалу я причащался этой тайны, не понимая ее, иногда не достигал наслаждения, чувственные содрогания медлили, замирали и ускользали. Тогда я донимал Бука вопросами: чем я провинился? Потом я понял – вернее, Бук объяснил мне, – что между нами происходит, как моя кожа вскипает от прикосновения к его коре, как вибрации, которые я ему сообщал, должны оставаться чуткими, как ласка коры наполняет мой член, как он вулканически взрывается семенем.

То, что мужчины называют самоудовлетворением, для меня таковым не было: это была любовная связь с деревом. Бук преподавал мне науку сладострастия.

Я должен уточнить: женившись, я не вкушал этого блаженства во время объятий с Миной. Никогда. Наши соития носили вынужденный, утомительный и практический характер, настолько, что содрогание в финале знаменовало испол-

ненный долг. Чтобы достичь чувственного наслаждения, мне следовало потерпеть до... Но не будем спешить.

В тот день, после свадьбы Панноама и Нуры, когда я прятался от них и улизнул от собственной супруги, я нашел прибежище в лиственных объятиях Бука. И лишь на закате я отправился в деревню.

Бук омыл меня, растворил мои заботы: в его тиши, в его свете все, что проявилось во мне человеческого, единственно и исключительно человеческого, — досада, зависть, сыновнее недовольство, уныние несчастного влюбленного — растаяло. День, проведенный на дереве, освободил меня от удушливых отношений с людьми; я стал просто живым существом, природной частицей в лоне щедрой Природы. Я сбросил балласт своей значимости, стал легким и снова мог вкушать радость бытия.

На краю деревни меня подстерегал мальчишка. Он бросился ко мне с воплем:

– Ноам! Мина рожает!

Я обескураженно остановился. Конечно, животик Мины округлился, но, по мне, не настолько, чтобы рожать.

– Она зовет тебя. Твоя мать тоже. Все женщины там собрались.

Эта подробность меня насторожила. Я понимал, почему рядом с Миной очутилась Мама — она должна была помочь в родах, — но меня обеспокоило, что при событии, которое обычно проходит в тиши и без лишних свидетелей, присут-

ствуют другие женщины.

Я побежал к дому, увидел толпу, рассек ее... Мина лежала на спине в перепачканных простынях, ноги ее были раздвинуты. Что с ней?

Наши женщины рожали сидя на корточках. Подавая таз вперед, они принимали положение, которое помогало быстрее исторгнуть плод, и младенец сам находил путь наружу; они отдавались набегавшим волнам схваток. Чтобы сберечь силы, они держались за низкую балку или же вверялись мужу, который, усевшись позади, поддерживал роженицу под мышки. А ведь Мина упражнялась последние месяцы, она каждый день садилась на корточки, а затем плавно вставала.

И лишь когда роды проходили тяжело, женщину укладывали на спину и раздвигали ей ноги. Начинались охи, ахи, вопли и стоны, бывалые женщины заставляли несчастную тужиться – душераздирающее зрелище.

Мина – бледная, с закрытыми глазами, почти без сознания – всхлипывала среди безмолвных женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.